

Доктор
Юнна

Зойка моя!

Житейские истории

Житейские истории

Доктор Нонна
Зойка моя! (сборник)

«ЭКСМО»

2011

Нонна Д.

Зойка моя! (сборник) / Д. Нонна — «Эксмо»,
2011 — (Житейские истории)

Зойка – зеленоглазая, хрупкая, яркая – своей необычностью пленяла всех мужчин. Даже отчим и сводный брат стали пленниками ее обаяния. Но чем больше представителей сильного пола восхищались ею, тем яростнее были проклятия женщин. Соперница, разлучница – такими эпитетами награждал ее слабый пол. И месть его оказалась сильнее Зойкиного шарма...

© Нонна Д., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Зойка моя!	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	35
Глава 14	39
Глава 15	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Доктор Нонна

Зойка моя! (сборник)

Зойка моя!

В жизни, как в магазине, – свободный выбор и обязательный расчет.

М. Шнейерсон

Глава 1

Геннадий сидел за рулем своего автомобиля, безучастно смотрел на темную дорогу, освещенную фонарями, и думал... Мысли были заняты Зойкой, его маленькой девочкой, лежащей в больнице под капельницей. «Как такое могло произойти? – крутилось в его голове. – Как я мог это допустить? Почему просмотрел? Не обратил внимания? Ей всего 15 лет, она совсем ребенок. Откуда в ее умненькой светленькой головке взялись мысли, приведшие к анорексии?»

Ответ не приходил, и Гена продолжал сидеть в машине перед домом, не желая заходить туда, где нет Зойки. Уже в пятый раз звонил мобильный телефон, но мужчина игнорировал вибрирующую трубку, лежащую на пассажирском сиденье, – он знал, что это не дочь, а раз не она, значит, и не стоит отвлекаться...

Пошел снег. Сквозь крупные хлопья не было видно окон квартиры, в которых призывно и тепло горел свет, – там Гену ждали жена, сын и няня... Но мужчине было не до них – он уносился в своих воспоминаниях в далекое прошлое...

Геннадий был счастливым студентом. Сразу после школы он, несмотря на протесты родителей, легко поступил в медицинский вуз и всерьез увлекся своей будущей профессией. Ему доставляло истинное наслаждение корпеть над учебниками, заниматься в анатомическом театре, вгрызаться зубами в фармакологию и размышлять над тем, какую специальность он выберет, когда подойдет время распределения. Любое направление медицинской деятельности приводило его в восторг, поэтому Гена метался, тем более что, в отличие от большинства студентов, он мог выбирать – любая кафедра была бы рада видеть в рядах своих выпускников его, Геннадия Покровского. Но чаще всего молодой человек пропадал на кафедре общей хирургии, где проводил время с профессором Борисом Львовичем Потаповым за увлекательными беседами, спорами, изучением научных трудов и просто общением.

Об одном только жалел юноша, что не может жить в общежитии, как другие студенты, потому что имеет московскую прописку. Родители Гены, известные оперные певцы, были категорически против выбора сына, так как считали, что только карьера певца может принести деньги, известность и другие блага земной жизни. Они вкладывали в мальчика все свои знания, но ребенок не оправдал надежд – он наплевал на их мечты о продолжении династии и решил стать врачом. Почти каждый вечер, когда сын корпел над учебниками, в квартире раздавались причитания матери:

– Сынок, ты положишь шесть лет жизни на это образование! Юность – это лучшие годы, а ты тратишь их на разрезание трупов и копание в кишках!

Тут же подключался отец:

– Ты семью заводить думаешь? Ты как кормить своих детей собираешься? На гроши, которые будешь получать в больнице?

Мать привычно подхватывала слова любимого мужа:

– Ты же будешь сутками пропадать на работе! От тебя и жена сбежит, и дети узнавать перестанут!

А Гена, уткнувшись в учебник, захлопывал дверь своей комнаты перед носом певших дуэтом родителей и с раздражением думал: «Когда же вы отправитесь на гастроли?! Как вы мне надоели!»

Однажды чета Покровских уехала со спектаклями за границу и больше не вернулась: автобус, в котором находилась часть труппы театра, выехал на встречную полосу и врезался в мчащуюся фуру. Гена Покровский на третьем курсе института остался сиротой. Обезумевший от горя юноша после похорон не выходил из дома. Он сидел на кухне, курил сигарету за сигаретой в надежде, что они хоть чуть-чуть притупят боль, разъедающую его душу, и винил себя в том, что случилось. «Я же всегда хотел, чтобы их не было дома, чтобы они мне не мешали заниматься! И теперь мое желание исполнилось – их нет дома и уже никогда не будет! Зачем нужна эта дурацкая медицина, если она убила маму и папу?!»

И кто знает, может, и бросил бы Геннадий вуз, если бы вовремя не вмешался Борис Львович. Мудрый профессор терпеливо вытаскивал любимого студента из черной ямы, в которой тот оказался: он забрал Гену к себе в квартиру, которую ему выделил институт, водил с собой на лекции, заставляя вникать в материал, приводил в операционную, когда практиковал, и постепенно юноша оживал. Боль уходила, а ее место занимала сыновья любовь к этому одинокому мужчине, полностью отдавшему себя профессии.

Пришло время летних каникул, и Гена с удивлением узнал, что у Бориса Львовича есть в Иркутске семья: жена Екатерина Леонидовна, директор крупного ликеро-водочного завода, и дочка Верочка, школьница, мечтающая о карьере певицы.

– Но почему вы живете здесь, в Москве, а они в Иркутске? – удивился молодой человек, узнав, что тот, кто заменил ему отца, совсем не одинок.

– Видишь ли, мой юный друг, – с ухмылкой ответил Борис Львович, – медицина – это призвание, можно даже сказать, диагноз. Мне выпал шанс преподавать в московском вузе, оперировать в столичных больницах, и я не мог от него отказаться. А моя жена не смогла отказаться от своего дела. Ее тоже можно понять – она в этот завод вложила столько сил, столько старания, что я решил не настаивать. А дочке в столь юном возрасте лучше все-таки быть с мамой, чем со мной, тем более что там ей обеспечена жизнь в более комфортных условиях. Поэтому мы живем в разных городах. Но каждый раз, когда мне удастся выкроить время, я лечу домой...

– Как удастся выкроить время? – переспросил Гена. – Не часто же у вас это получается. Я живу с вами уже больше полугода, а вы ни разу никуда не летали.

– Думаешь, я бесчувственный чурбан? – с вызовом спросил профессор Потапов. – Знай же, что я безумно люблю свою дочь и очень по ней скучаю, но здесь загибался от чувства вины мой лучший студент, и я просто не мог оставить его одного!

– Простите меня, – потупился юноша. – Я не хотел вас обидеть... Я просто не знал... Я вам благодарен... Если бы не вы...

– Да знаю я все, – перебил залепетавшего Гену Борис Львович. – Можешь не продолжать. Не люблю лишних слов.

– Все равно простите, – уже тверже сказал молодой человек. – Вы можете смело лететь в Иркутск. Со мной все будет в порядке. Я вас не подведу.

– И на том спасибо, – усмехнулся профессор и вернулся к монографии, которую читал.

Глава 2

Учеба подходила к концу, когда в семье профессора Потапова случилось несчастье.

После зимней сессии Борис Львович вместе с Геной полетели в далекий Иркутск. Это была уже не первая поездка молодого человека в семью учителя. Ему очень нравилось находиться в хорошо обставленном доме приютивших его людей: он с головой уходил в книги, долгие годы собираемые профессором, забывая про время, наслаждался общением с немного циничной, но очень остроумной Екатериной Леонидовной и умилялся Верочке, милой, чистой, нежной девочке, которая бесподобно пела, становясь в эти моменты божественно прекрасной. Так было всегда, когда Борис Львович брал с собой своего ученика, и сейчас, сидя в самолете, Гена предвкушал теплые семейные вечера, но все пошло не так.

Екатерина Леонидовна пропадала на своем заводе почти сутками – сложная ситуация требовала ее постоянного присутствия, а по вечерам, вымотанная донельзя, она принимала снотворное и сразу ложилась спать, чтобы на следующий день снова встать в пять утра. Борис Львович и жалел жену, и злился на нее.

– Катя, я могу хоть недолго побыть с тобой? – восклицал он. – Я скоро улечу, и мы снова не увидимся. И вообще, ты посмотри, на что похож наш дом! Он не теплый, не уютный! А на дочь посмотри!

Верочка на самом деле внушала опасения: она почти не показывалась на глаза, не хотела никого видеть, плохо училась и странно выглядела. От ее нежной красоты не осталось и следа – она поправилась, лицо отекло, а походка стала тяжелой.

– А что Вера? С ней все в порядке, – на бегу отвечала Екатерина Леонидовна.

– Ты когда ее в последний раз видела, Катя? – кричал вслед жене профессор. Но в ответ получал торопливое:

– Милый, давай попозже поговорим. У меня встреча с адвокатом...

– Вот видишь, не только медицина – это диагноз, – обращался Борис Львович уже к Гене. – Она дочь не видела несколько месяцев...

И тут нехорошее предчувствие закралось в голову Потапова: «Несколько месяцев? Несколько месяцев назад с Верой все было в порядке? Не может быть!»

– Вера, – вскричал он и взбежал на второй этаж, – быстро открой дверь!

Мужчина хотел ворваться в комнату дочери, однако изнутри было заперто.

– Вера, открой мне! Я выломаю дверь, если ты этого не сделаешь!

Послышался щелчок, и в проеме показалось бледное испуганное лицо девушки.

– Ты ничего не хочешь мне объяснить, дорогая? – угрожающе произнес Борис Львович.

– Папочка, прости меня, – расплакалась Вера. – Я жду ребеночка...

В голове профессора все помутилось от гнева, и он впервые в жизни поднял на дочь руку. Нет, он не хотел ударить ее – он сам не понял, что именно произошло в тот момент. Но дочь, взвизгнув, увернулась от отца и бросилась из комнаты. Выпуклый живот, который она успешно прятала под расклешенными платяницами, делал Верочку неуклюжей – как маленький утенок, она вперевалячку побежала к лестнице. Профессор бросился за дочерью, схватил ее за руку, но девушка вырвалась. Вера потеряла равновесие, оступилась и с криком покатилась вниз, прямо под ноги стоящему в гостиной Геннадию.

Ее тело распласталось на полу, на беленьком платянце увеличивалось большое кровавое пятно – Вера не двигалась. Борис Львович в растерянности стоял наверху и смотрел на лежащую без сознания дочь несколько секунд, показавшихся Гене вечностью. Нависла оглушающая тишина, и лишь стрелки часов равномерно отбивали ход.

Борис Львович вернулся из больницы белый как полотно.

– Вера умерла, – севшим голосом сказал он Гене и тяжело опустился в кресло. Профессор поднял пустые глаза на своего студента, ставшего ему родным, и одинокая слеза скатилась по щеке. – Надо позвонить Кате...

Геннадий, не зная, как утешить, опустился рядом с креслом на пол и обнял колени учителя. Это было единственное, что мог придумать молодой человек, так как нужных слов подобрать не мог.

– Спасибо тебе, мальчик мой, – промолвил Борис Львович. – Спасибо, что ты у меня есть...

– И вам спасибо за то, что вы у меня есть. Я вас никогда не оставлю, – в слезах шептал Гена, и его сердце сжималось от сострадания.

– Надо заняться похоронами, – тихо сказал отец.

– А ребенок? Ребенок жив? – вдруг вспомнил юноша.

– Да, родилась девочка, но недоношенная. Она пока в инкубаторе. Врачи говорят, что ребенок будет жить.

– А что с ней будет? Она же ни в чем не виновата, эта девочка, – забеспокоился Гена. – Мы же даже не знаем, кто ее отец.

– Я знать не хочу того, кто посмел воспользоваться моей дочерью для удовлетворения своих низменных желаний, – выкрикнул Борис Львович и вскочил с кресла. – Подлец! Урод! Тварь!

Профессор начал метаться по комнате и хватать вещи, которые попадались ему под руку. Через несколько минут он успокоился, подошел к Гене, взял его за руку и усадил в кресло, на котором какое-то время назад сидел сам.

– У меня к тебе серьезный разговор, сынок, – начал профессор и закашлялся.

Гена сидел молча и ждал, что скажет ему его наставник. Он боялся перебить его, потому что видел, что тот готовится произнести что-то важное.

Через некоторое время мужчина продолжил:

– Я тоже виноват в смерти моей девочки и никогда себе этого не прощу. За этот грех я буду отвечать перед Богом на небесах. Но ребенок, которого дочь носила под сердцем, не должен страдать из-за меня. Ни я, ни моя жена не можем стать ему настоящими родителями, но дитя должно остаться в нашей семье. У меня нет никого, кроме тебя, поэтому я хочу, чтобы ты стал отцом ребенка.

– А как же... – изумился Гена. Он меньше всего ожидал такого поворота событий.

– Будь добр, не перебивай меня, – прервал восклицание юноши мужчина. – Ты забираешь девочку и уезжаешь в Москву. Естественно, ты не справишься самостоятельно с новорожденной, поэтому мы найдем грамотную медсестру, умеющую обращаться с младенцами. Ты обязан окончить институт и получить диплом. Насчет работы не беспокойся – моих связей хватит, чтобы устроить тебя так, чтобы хватало времени на малышку. У моей внучки должно быть все – внимание, забота, ласка, если не материнская, то хотя бы отцовская.

– Но как же я смогу ей дать это? У меня никогда не было детей, я не знаю, что это такое – быть отцом, – взмолился Гена.

– Ничего, научишься, – спокойно ответил Борис Львович. – Ты толковый парень. Но о карьере врача тебе, видимо, придется забыть, по крайней мере, на время. Пока она растет, она должна видеть отца – значит, никаких дежурств в больницах, срочных операций и прочего. Я не знаю, когда я вернусь в Москву, поэтому теперь ты останешься один.

Гена потянулся за сигаретой – эта информация никак не могла уложиться у него в голове.

– И кстати, никакого курения – на тебе теперь лежит огромная ответственность, значит, ты должен быть здоров.

Гена вытащил изо рта прикуренную сигарету и недоуменно посмотрел на профессора.

– Эту ты можешь докурить, но она последняя, так что наслаждайся, – спокойно произнес Борис Львович. – О деньгах не беспокойся, вы ни в чем не будете нуждаться. И главное – ребенок не должен знать правду о том, что случилось. Когда возникнут вопросы о матери, версия должна быть такая: вы очень любили друг друга, были мужем и женой, но она умерла при родах. Что касается женщин в твоей жизни, у тебя они могут быть где угодно, но только не дома. Мою дочь никто не заменит, а рядом с внучкой видеть постороннего человека я не желаю. Остальные детали мы решим позднее. На этом все, оставь меня. Мне нужно сообщить жене о случившемся.

Гена тяжело поднялся с кресла и прошел во двор – ему надо было обдумать то, что он услышал. Безусловно, отказать профессору он не мог – слишком много этот человек сделал для него, но и взять на себя ответственность за чужого ребенка было страшно. Жизнь катилась под откос – младенец, невозможность построить свою семью, отказ от любимой профессии. Как это все принять? Как в самом начале жизни отказаться от всего, о чем мечтается пылким юношеским сердцем и пытливым умом? Геннадий закурил еще одну сигарету. «Да, знаю, свою последнюю сигарету я должен был выкурить там, в гостиной, – думал он. – Но я не могу так, в одну секунду, поменять все! Так не делается! Так нельзя – взять и изменить все!» Молодой человек начал злиться: он был напуган и растерян. Сигаретный дым успокаивал и приводил в некое отупение, и тогда душевная боль ощущалась не остро, а сквозь белесую пелену. Гена помнил, как в таком же отупении он пребывал после смерти родителей: помнил, как механические движения вводили в некий транс и при этом создавали подобие хоть какой-то деятельности, помнил, как легкие жгло от никотина и каждый вздох давался с трудом... И помнил, как пришел Борис Львович и твердой рукой вывел его из небытия. «Если бы не он, я бы погиб прямо там, на кухне, уронив голову в пепельницу, полную бычков, – продолжал мысли молодой человек. – Я обязан ему своей жизнью, он для меня как отец... Он понял мою боль, приютил меня, значит, так было нужно, значит, сама судьба так связала нас, чтобы сейчас я пришел ему на помощь. Я обязан это сделать – он моя семья... И Вера – моя семья... Значит, и малютка – тоже моя семья. А если в семье горе, значит, нужно держаться вместе и помогать друг другу».

С этими мыслями Гена выбросил окурок, осознавая, что это и есть его последняя сигарета, и вошел в дом, где профессор сообщал страшные новости по телефону своей жене...

Глава 3

Через месяц Геннадий с маленькой Зоей на руках вернулся в Москву. С ним прилетела и медсестра Галина Павловна, простая, одинокая 54-летняя женщина, которая большую часть забот о крошке взяла на себя, потому что молодому человеку необходимо было окончить вуз и получить диплом. Началась новая жизнь.

Сказать, что было трудно, – значит не сказать ничего. Первые три месяца Гена с ребенком и няней жили в одной комнате университетского общежития, пока в квартире родителей шел ремонт. Борис Львович, отправляя молодого человека с внучкой в столицу, уже думал о том, что семье нужно хорошее жилье, поэтому присматривал квартиру, разговаривал с риелторами, что-то высчитывал и раздумывал и, наконец, нашел верное решение. Он выкупил квартиру соседей Гены, предложив им такую сумму, что те не смогли устоять, и затеял ремонт, придумав объединить площади и сделать уютный большой дом, чтобы никто из членов семьи не мешал друг другу.

В те три месяца Гена корпел над учебниками, писал диплом, помогал Галине Павловне с малышкой, мотался по магазинам, а глаза закрывались от усталости. Ребенок не вызывал в нем никаких эмоций, кроме раздражения. Усталость, груз ответственности, невозможность реализовать свои амбиции стали постоянными спутниками жизни молодого человека, а винил во всем он эту кроху, которая смотрела на него своими огромными черными глазами из детской кровати.

И вот самый сложный этап жизни пройден – экзамены успешно сданы, диплом получен, ремонт в огромной квартире на Таганке закончен. Пришла пора начинать новую жизнь.

Геннадий открыл дверь в дом, где теперь ему предстояло жить с дочерью и няней. Высокие потолки, паркетные полы, дорогая мебель – все поражало воображение. «Сколько же Борис Львович вложил денег в этот дом, – размышлял молодой отец, держа на руках крохотную девочку в розовеньком комбинезончике. – Я никогда в жизни не расплачусь с ним за это».

– Добро пожаловать домой, – вдруг раздался зычный голос профессора откуда-то из глубины квартиры. – Добро пожаловать, сынок и внучка.

Борис Львович вместе с Екатериной Леонидовной вышли в просторную прихожую, чтобы встретить родных. Горе сплотило их, и теперь муж и жена держались вместе, даже не думая о том, чтобы снова зажить на два города, как это было раньше. Бабушка протянула руки и взяла девочку. Она души не чаяла в этом посапывающем комочке, с черными волосиками, черными глазками и нежными губками бантиком. Борис Львович повел Гену по дому: здесь была и спальня хозяина, и детская Зои, и комната для няни, и кабинет, и шикарная гостиная, и просторная кухня, выполненная в стиле модерн. Здесь было все, чтобы семья ни в чем не нуждалась и не испытывала бытовых затруднений.

Галина Павловна осталась стоять в прихожей, пораженная увиденной красотой. Ей было даже неловко заходить внутрь, словно она по ошибке попала на бал и сейчас не знала, то ли тихонько уйти, чтобы не смущать хозяев, то ли все-таки осмотреть этот удивительный дом. Наконец любопытство победило, и женщина прошла в гостиную. Перед ее взором оказалась просторная комната, с мягкими коврами, лепниной на потолке, тяжелой добротной мебелью. Но больше всего женщину поразило огромное количество картин, висящих на стенах. «Как в музее», – выдохнула Галина Павловна и остановилась перед изображением двух влюбленных, которые, обнявшись и укрывшись от дождя одним зонтом, улетали в небо, оставив позади себя мир, полный ненастья. «Вот она, дорога любви к Господу, – вдруг подумалось няне. – Именно так должна выглядеть настоящая любовь. В доме, где есть такая картина, всегда будет мир и покой, всегда будет жить ласка, забота и тепло. И я тоже должна внести свой вклад в то, чтобы

маленькую девочку, оставшуюся сиротой, всегда окружала доброта». И именно в этот момент Галина Павловна поняла, что этот дворец – теперь ее дом.

Прошло полгода. Геннадий, не без помощи Бориса Львовича, нашел работу в медицинском журнале. Как ни странно, но новое дело увлекло его: молодой человек тонко чувствовал потребности читателей, обладал хорошим слогом, смело участвовал в научных конференциях, так как обладал очень хорошим багажом знаний, легко заводил нужные знакомства и даже иногда присутствовал на интереснейших операциях, подробности которых потом в доступной форме освещал на страницах издания. Гена быстро шел вверх по карьерной лестнице, оставляя позади многих заслуженных работников, но при этом он был настолько открыт, обаятелен и добр, что зависти его успех ни у кого не вызывал. Напротив, молодым журналистом восхищались: умный, сообразительный, всегда готовый прийти на помощь, да еще и в одиночку воспитывающий дочь. «Нет, вы представляете, – говорили о нем сотрудники, – жена умерла при родах, когда он еще был студентом, так он не отдал ребенка в детский дом, не сдал бабушкам и дедушкам, а оставил себе. Он же тогда институт еще не окончил. Столько самоотверженности в этом поступке!» «Да, – вторили другие, – и при этом такие знания у него, такой слог. Он такой умничка!» «А какой симпатичный», – вздыхали девочки-редакторы. В общем, Гена купался в обожании людей, с которыми ему приходилось сталкиваться ежедневно.

А дома молодой перспективный сотрудник медицинского журнала становился заботливым отцом. Когда время учебы в институте прошло, когда, наконец, он смог спать больше трех часов в сутки, когда бытовые проблемы канули в Лету, Геннадий вдруг обнаружил, что в его душе зародилась отеческая любовь к девочке.

Молодой человек улыбнулся своему открытию, взял сидящую в манеже Зою, которая показывала свои первые зубки, и, поцеловав в нежные щечки, сказал: «Ну, здравствуй, дочка!» Галина Павловна ласково посмотрела на отца с ребенком и перевела взгляд на картину, где влюбленные улетают на небеса: «Ну, наконец-то любовь пришла в наш дом».

Глава 4

Гена очнулся от своих мыслей, взял телефон, на экране которого горели все пропущенные вызовы от жены, и нашел в себе силы вернуться в сегодняшний день.

– Дорогая, я уже приехал, – хриплым голосом сказал мужчина.

– Милый, я так волнуюсь... – всхлипнула Инна.

– Успокойся, все будет хорошо. – Он почувствовал волнение супруги, и ему стало стыдно за то, что своим молчанием он заставил ее испытать тягостные моменты тревоги. – Тебе нельзя волноваться, милая. Я скоро приду, я уже рядом с домом.

– Я жду тебя, родной.

Геннадий вошел в квартиру, и ему навстречу тут же бросились все члены семьи: жена, сын и няня. Они ждали новостей – до сих пор врачи разводили руками и не знали, от чего лечить 15-летнюю девушку, из которой медленно уходила жизнь. А сегодня позвонил врач и назвал диагноз, который Гена не рассматривал вообще, – анорексия. По его отцовскому мнению, не было никаких предпосылок к тому, чтобы дочь добровольно отказалась от еды, а значит, и от жизни вообще. Анорексия – это серьезная психологическая проблема, которая не возникает за один день. Но в случае с Зойкой все было именно так. Тот день, когда девочку забрали в больницу, был днем ее рождения. На 15-летие красотки-именинницы пришел почти весь класс. Шум, смех, музыка, куча подарков в углу гостиной, шикарный стол – все говорило о том, что в семье праздник. Зою поздравил и сводный брат, и Галина Павловна, и сам Гена, правда, пока по телефону, потому что возвращался из свадебного путешествия. Разговаривая с дочкой в аэропорту, мужчина не заметил, что девочка чем-то подавлена, напротив, она весело щебетала о том, как она соскучилась, как хочет залезть на коленки и слушать впечатления о поездке. Игривым тоном эта юная женщина спрашивала о подарках, которые она ждет от своего папы, а Гена в тон ей отвечал, что везет ей что-то очень-очень интересное... Воодушевленный такой беседой с дочкой, мужчина рвался домой, разом забыв о молодой жене, которая сейчас стояла рядом и пила минеральную воду из бутылочки. Вот уже родной подъезд показался из-за угла, и мужчина торопливо рылся в бумажнике, чтобы не задерживаться даже лишнюю секунду вдали от Зойки. Тормоза, расплата, хлопок дверью и...

Бледную как полотно Зою на носилках вынесли из дома врачи, а Галина Павловна бежала следом, утирая слезы. «Все было хорошо, пока я не принесла торт, – причитала пожилая женщина. – Она увидела его, вся сжалась, побледнела и потеряла сознание!» Молча выслушав няню, отец сел в машину «Скорой помощи» и поехал вместе с дочерью, благодаря Бога за то, что он вовремя оказался рядом.

А вот теперь, по прошествии почти двух недель, врачи поставили диагноз, который шокировал Покровского. «Анорексия! – размышлял мужчина, смотря на встревоженные лица родных. – И как я им скажу, что мы вчетвером не уследили за девочкой и что-то сделали не так, из-за чего в ее психике возникли такие отклонения? Но сказать надо, они же волнуются ничуть не меньше, чем я... Хотя меньше, конечно, меньше, я же отец, я ее самый родной и близкий человек...»

– Они сказали, что это анорексия, – без приветствия начал Геннадий.

– Анорексия? Как? Почему? – всполошилась Галина Павловна.

– А что это? – тревожно спросил Арсений.

– Милый, что же делать? – выдохнула Инна.

Голоса зазвучали практически одновременно, поэтому Гена поморщился и жестом показал родным замолчать.

– Врачи долго пытались выяснить, чем же заболела Зоя. Они предполагали и менингит, и вирусы, однако анализы не подтверждали диагнозов. И лишь благодаря медсестре, которая ставила ей капельницу, все прояснилось. Оказывается, когда та вводила иглу в вену Зойке, девочка вдруг разволновалась. На вопрос: «Что случилось?» – она задала встречный вопрос: «А сколько калорий в том, что вы мне вливаете?» И тут женщина поняла, что проблема гораздо глубже, чем предполагали врачи. К Зоечке пригласили детского психиатра, который подтвердил догадку медсестры, – у ребенка обезвоживание и истощение вследствие отказа от пищи.

– Но как же? – не переставала удивляться няня. – Как я могла просмотреть это?

– Вот именно это меня тоже волнует, – сурово ответил Геннадий, однако тут же смягчился. Он вспомнил случай из глубокого детства малышки. Однажды он поздно приехал домой с важной встречи. Тогда решался вопрос об открытии ток-шоу, посвященного здоровью, ведущим которого должен был стать именно он, Гена Покровский. Радостный, что дело так споро продвигается и переговоры прошли успешно, мужчина распахнул входную дверь и тут же почувствовал необъяснимую тревогу. И дело было не в мертвой тишине, которая окутывала пустые комнаты, и не в темноте, окружившей его. Какой-то страх словно растекся по всему периметру обычно теплого и радостного дома. Молодой отец ворвался в комнату дочери и увидел пустую детскую кроватку. От ужаса, испытанного им в тот момент, волосы зашевелились. Мужчина метнулся в комнату няни и, проходя по гостиной, увидел белый листок бумаги. «У Зои ложный круп. Нас увозят в детскую больницу имени Филатова». На ходу надевая куртку, Гена выскочил из квартиры и, нарушая все правила дорожного движения, помчался к дочери. Он ругал себя за то, что его не оказалось рядом, когда девочке нужна была помощь. Ворвавшись в приемный покой, он узнал, в какой палате находится пациентка Покровская, и, перебежав через ступеньки, помчался к ребенку.

В темной палате лежала его дочь – она спала, грудная клетка со свистом поднималась и опускалась, потные черные волосики прилипли ко лбу, нежные губки потрескались. Она была так хрупка и беспомощна, что сердце мужчины вырывалось наружу. Бледная няня сидела рядом с кроваткой и тревожно вглядывалась в личико малышки.

– Что с ней? – чересчур громко спросил Геннадий. Гнев на себя, на няню, на жизнь захлестывал его, и он уже не мог совладать с эмоциями.

– У Зои ложный круп. Но все будет в порядке, так бывает у детей во время... – тихонько начала Галина Павловна.

– У детей может быть все, что угодно! – вскричал мужчина. – У других детей – пожалуйста! А моя дочь должна быть здорова!

Глаза женщины наполнились слезами, однако она нашла в себе силы поднять голову, спокойно посмотреть в лицо взбешенного отца и с достоинством ответить:

– Не кричите на меня! Я честно и преданно работаю у вас уже несколько лет. Вы врач и должны прекрасно понимать, что дети без болезней не вырастают. А своей истерикой вы ребенку не поможете.

Тон верной помощницы привел мужчину в себя, и он вдруг посмотрел на ситуацию со стороны. Волна стыда поднялась откуда-то из глубин сознания, и Гена сказал:

– Извините меня, Галина Павловна! Я совсем потерял голову от страха.

– Я понимаю, понимаю... – ответила няня, и из ее глаз полились слезы.

Геннадий очнулся от воспоминаний, которые весь день сегодня преследовали его, и снова посмотрел на членов семьи. Все трое продолжали стоять в прихожей, где происходил разговор, и молча смотреть на него.

– Мне бы хотелось выяснить, – более спокойным тоном продолжил Гена, – как, когда и почему заболела Зоя. Дайте мне раздеться, и мы все вместе пройдем на кухню и постараемся вспомнить все подробности, связанные с жизнью и здоровьем моей дочери.

Через полчаса семья собралась за круглым кухонным столом, Галина Павловна налила всем чаю, поставила на стол вазочку с печеньем и тарелку с бутербродами. Пожилая женщина понимала, что полноценно поужинать сегодня никто не сможет, как, впрочем, и все предшествующие дни, начиная с тех пор, как девочку положили в больницу, но тем не менее поесть что-то нужно. Геннадий положил перед собой всю справочную и учебную литературу, которую нашел в доме, касающуюся заболевания дочери, и первым заговорил:

– Галина Павловна, давайте вспомним, давно ли Зоя перестала есть?

– Мне кажется, что отказов от еды как таковых не было, – начала вспоминать няня. – Даже не знаю, что сказать.

– Хорошо, давайте пойдем другим путем, – предложил мужчина, открыл одну из книг и начал читать. – «Импульс первый: насмешки окружающих, обидные прозвища, такие как «пышка», «пухлик», «толстуха» и др.».

– Не верю, что это могло иметь место, – сказала Инна, поглаживая свой выступающий животик. – Зоя – очень стройная девочка, вряд ли кому-то в голову пришло ее так обзывать.

– Я согласна с вами, Инна, – поддержала женщину няня. – У Зоечки очень хорошая фигура, она стройненькая и красивая, и мальчики за ней табунами ходят.

– Ладно, продолжим. – Гена поморщился, представив, что за его крошкой ходят табуны ребят. Что-то похожее на ревность шевельнулось в нем и остро кольнуло сердце. – «Импульс второй: стремление к сохранению высокой самооценки, выработавшейся в детстве».

– Зоечка у нас всегда была самой лучшей, – с любовью промолвила няня, и глаза снова наполнились слезами. – В школе – отличница, лидер класса; в музыкальной школе – звезда. А конкурсов музыкальных сколько она выиграла! Она же с четырех лет знает, что такое сцена!

– Да, – с улыбкой вспомнил Гена, как устраивал разные конкурсы детского творчества на телевидении, где к четырем годам дочери он был уже довольно известен. Нет, совсем не какой-то уникальный талант телеведущего сделал его вхожим во многие кабинеты руководителей каналов, крупнейших продюсеров и лучших режиссеров страны, хотя, безусловно, Гена был совсем не плох на экране, абсолютно не боялся камеры, хорошо строил диалоги, был остроумен, обаятелен и молод. Однако таких талантов хоть отбавляй, а вот человека, обладающего широким диапазоном медицинских знаний, умеющего ставить точные диагнозы и назначать лечение прямо в кабинете, за чашечкой кофе, а также имеющего широчайших круг знакомых почти во всех клиниках, больницах и научно-исследовательских институтах любого уровня, так просто не найдешь. День за днем к Гене Покровскому обращались за советами, с просьбами устроить к лучшим врачам, достать необходимое лекарство, осмотреть ребенка и многими другими, а в качестве благодарности охотно шли навстречу почти во всех просьбах доктора-телеведущего. Таким образом, малышка Зоя участвовала в конкурсах, сделанных специально для нее, снималась в рекламах, бывала на разных фестивалях.

– Значит, этот вариант тоже не подходит, – сказала Инна.

– Подходит, – вдруг подал голос Арсений, который до этого хмуро молчал. – В детстве она была единственной, а сейчас – нет.

– Боже! – простонал Геннадий и обхватил голову руками. Он очень отчетливо помнил тот день, когда начала стремительно меняться жизнь их маленькой семьи, состоящей из него самого, его дочери и няни.

Глава 5

Почти год назад в студии, где Геннадий обсуждал с редакторами рабочие вопросы, вдруг раздался звонок. Пресс-секретарь Леночка подняла трубку, о чем-то очень долго говорила с абонентом, а потом вздохнула и позвала ведущего.

– Геннадий, извините, пожалуйста. Вам звонит какая-то женщина, говорит, что она ваша давняя знакомая, но называть имя и сообщать о причинах звонка отказывается. Что делать?

– Я поговорю с ней, не переживай, – легко согласился мужчина. Он думал, что это может быть кто-то, кому требуется совет врача, но кто стесняется назвать либо истинную причину, либо собственное имя. Такое часто бывало, когда звонили известные люди. И хотя почти у всех был номер его мобильного телефона, заставить Покровского в студии было гораздо проще, чем дожидаться, когда тот увидит десятки пропущенных вызовов.

– Я вас слушаю, – красивым поставленным голосом произнес Геннадий, подмигнув Леночке.

– Привет, Гена.

– С кем я имею часть общаться? – спросил мужчина у невежливого собеседника.

– Меня зовут Татьяна. Мы с тобой учились в одной группе до пятого курса. Помнишь?

Геннадий не помнил... После смерти родителей и до появления дочери был отрезок, в котором был только Борис Львович, медицина и собственная боль. И хотя молодой человек продолжал общаться с огромным числом людей, эти лица никак не запечатлелись в его памяти.

– Извини, но я не помню, – сухо сказал Покровский.

– Неважно, – быстро сориентировалась женщина на том конце провода. – Мне очень нужно встретиться с тобой. В подтверждение своих слов я могу принести наши институтские фотографии, некоторые конспекты лекций и свою зачетную книжку.

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем нам встречаться?

– Поверь мне, это очень важно. Я обещаю, что все объясню при встрече.

– Хорошо, – что-то заставило мужчину согласиться. – Я могу через час возле «Останкино».

– Я подъеду, спасибо, – тихо сказала Татьяна и положила трубку.

– Привет, Гена, – сказала бледная женщина с сухой кожей, бедно одетая. Если бы мужчина не ждал встречи, то он бы подумал, что у него сейчас попросят милостыню.

– Привет, – совсем растерянно ответил Покровский.

– Наверное, ты совсем меня не узнаешь, но это не страшно, – мягким голосом продолжила Таня. – Я хотела бы предложить пройти в кафе и там поговорить спокойно. Мой рассказ займет какое-то время.

– Что ж, пойдем, – согласился мужчина. – Действительно, надо перекусить, как раз обеденное время.

Расположившись за столиком и сделав заказ, бывшие однокурсники внимательно разглядывали друг друга. Наконец, Татьяна нарушила молчание:

– Давай я сразу перейду к делу?

– Да, давай, – быстро согласился Гена. Он уже устал ломать голову над причиной появления этой женщины в его жизни.

– Летом после четвертого курса нас отправили на практику, – начала женщина.

– Да, помню что-то смутно... В какую-то даль послали, – старался воскресить в памяти прошлое Покровский.

– Да, нас отправили в областную больницу, – согласилась Таня. – Мы там бесконечно бинтовали разбитые головы и рассеченные конечности... А жили на какой-то базе отдыха...

– Точно, – вдруг вспомнил Гена. – А по вечерам пили спирт с местными докторами и фельдшерами! Боже, ужасное было лето! Хорошо, что Борис Львович меня оттуда быстро забрал! Я и так был не в себе, а с таким количеством алкоголя вообще бы пропал!

– Да, – мягко согласилась Таня. – В то лето тебе действительно было не очень хорошо. И в один из таких вечеров, когда ты страдал от своей душевной раны, ты пришел ко мне, пьяный и несчастный. Ты, как голодный лев, бросился на меня и всю ночь терзал мое тело. Под утро ты вырубился, а проснувшись, ничего не сказал. К теме той ночи ты больше никогда не возвращался. Не возвращалась и я. Однако через пару недель мне все же пришлось это сделать – я забеременела.

– Как? – изумился мужчина. – Как забеременела?

– Не мне тебе рассказывать, – чуть улыбнулась женщина. – Ты врач, ты прекрасно знаешь, как это происходит. У меня нет к тебе никаких претензий и не было тогда, потому что я тебя любила и была счастлива носить твоего ребенка под сердцем. Я не хотела доставлять тебе сложностей, которых тебе и так хватало, не хотела ни к чему принуждать и навязывать ненужные тебе обязательства, именно поэтому перед пятым курсом я перевелась в Винницу, там закончила обучение, получила диплом и родила сына.

– Сына? – переспросил Геннадий.

– Да, сына. Я родила мальчика и назвала его Арсений. Так что у тебя есть 15-летний наследник, – грустно улыбнулась женщина. – Но попросила о встрече тебя я не для того, чтобы рассказать о последствиях той ночи. У меня рак... Умирать я вообще-то не собираюсь, но тем не менее хотелось бы, чтобы мой сын не остался сиротой при живом отце.

– Какая стадия? Каковы прогнозы? – переполошился Гена. – Давай я посмотрю результаты анализов и покажу ведущим специалистам в области онкологии. Доверься мне, тебя осмотрят лучшие врачи России, я оплачу все, что нужно...

– Хороший мой, – ласково проговорила Татьяна. – Именно за это я тебя всю жизнь и любила, за твое доброе сердце, за твою преданность медицине, за твою отзывчивость и желание всем помогать. Но ты не забывай, я тоже врач, причем практикующий, в отличие от тебя. Я многое могу сделать сама, мне не нужна помощь, а вот Арсению она может понадобиться. Я договорилась о лечении в Германии – лучшие онкологи Европы будут меня оперировать. Они дают шанс, что я смогу победить болезнь, однако если нет...

– Я все сделаю, – тут же согласился мужчина. Он помнил, что такое остаться сиротой, помнил страшную пустоту в душе, которую ничем не заполнить. Тогда Борис Львович смог спасти его, теперь его очередь спасать мальчика, который может остаться один.

– У меня операция через месяц, – по-деловому продолжила женщина. – За это время нужно, чтобы ты официально признал Арсения своим сыном. Тогда в случае моей смерти его не смогут забрать органы опеки. Пока меня не будет, ему не обязательно жить с тобой – я понимаю, у тебя наверняка есть своя семья, однако было бы хорошо, если бы ты хоть иногда приезжал к нему, присматривал за ним. Он у меня очень самостоятельный мальчик, конечно, но все же ему только 15 лет.

– Таня, – накрыл своей теплой рукой холодную истощенную женскую руку Геннадий, – не переживай, я не оставлю сына одного. А теперь давай поедим – тебе нужны силы – и обсудим все детали.

В студию Покровский больше не вернулся – он отвез Таню домой, чтобы она не тратила денег и сил на дорогу. Гена хотел в этот же день познакомиться с сыном, но мать отказала ему в этой просьбе.

– Гена, пойми меня, – устало посмотрела Татьяна, – у нас с Арсением сейчас не самые хорошие времена, но мы держимся только потому, что мы вместе. Твое появление нарушит

наше единство и внесет суматоху. Давай мы с тобой сделаем все дела, а я пока подготовлю Арсения к тому, что ты можешь появиться в его жизни. Если операция пройдет успешно и я останусь жива, ты можешь забыть об этом разговоре.

– Забыть? – возмутился Геннадий. – Ты в своем уме? Это мой сын! Моя кровь! Я обещаю, что не появлюсь у вас, пока ты не разрешишь, но финансово я всегда буду поддерживать его и тебя.

– Зачем? – безучастно спросила Таня. – Я сама могу позаботиться о своем ребенке. К тебе я обратилась только для того, чтобы в случае моей смерти Арсения не забрали службы опеки.

– Затем, что я хочу дать вам все, что необходимо, – произнес мужчина металлическим голосом. – И я имею на это полное право.

– Хорошо, я не буду с тобой спорить, Гена, – согласилась наконец женщина.

Геннадий ехал домой и думал, как сказать Зое о том, что у нее есть брат, но потом решил не тревожить дочку: в конце концов, есть еще месяц до операции Татьяны, а значит, девочка может еще спокойно побыть единственным любимым ребенком. Мужчина вернулся к обычной жизни, лишь иногда встречаясь с бывшей однокурсницей, чтобы решить вопросы с документами и передать некую сумму денег, которая сейчас была нужна ослабевшей от страшной болезни женщине и ее сыну-подростку.

Глава 6

Арсений сидел за столом и вспоминал, как впервые увидел свою сестренку, которая сейчас лежала в больнице. Молодой человек чувствовал и свою вину за происходящее.

– Папа, это я во всем виноват, – упавшим голосом произнес юноша. – Если бы я не появился в вашей жизни, Зочка была бы здорова.

– Не надо брать вину на себя, – строго сказал отец. – Ты ни в чем не виноват с самого начала. Это я не подготовил свою дочь к тому, что в нашем доме появится еще один член семьи, это я не смог показать, что в моем отношении к ней ничего не изменилось. Если мы правы и ее болезнь действительно из-за того, что она почувствовала себя обделенной вниманием, то это только моя вина.

Геннадий вспомнил тот день, когда привез Арсения в их дом. С утра он отвез Татьяну в аэропорт, несмотря на протесты женщины.

– Я поеду на такси, – настаивала Таня в телефонном разговоре. – Я позвонила только для того, чтобы поставить тебя в известность.

– Таня, не перечь мне! – злился мужчина. Он с утра был в дурном настроении: Борис Львович плохо себя чувствовал, что очень тревожило Гену, а у Зои вчера из кармана выпала пачка сигарет, и это привело его в шок. Конечно, уже с утра между отцом и дочерью произошел серьезный разговор, который закончился скандалом и взаимными обидами, а потом позвонила Таня...

– Хорошо, заезжай, я тебя жду, – наконец согласилась женщина. По голосу чувствовалось, что ей страшно и очень тяжело, именно поэтому она не стала спорить с мужчиной. И Гена, хлопнув дверью и не попрощавшись с Зоей, вышел на улицу.

«И что мне делать? – размышлял Покровский. – Зойке я так и не сказал о сыне, так мы еще и поругались... Зря я так накричал на девочку, конечно, но курить в 14 лет?! У нее же в детстве ложный круп был, а она свои легкие засоряет такой страшной гадостью! И голос ее прекрасный! Зачем она портит то, чем так щедро одарил ее Бог?! Если бы мы не поскандалили с утра и она не разобиделась, я бы спокойно поговорил с ней, рассказал об Арсении... А теперь что делать?»

Наконец показался знакомый дом, к которому за последний месяц Геннадий подъезжал неоднократно. Возле подъезда ждала Таня: она стояла, прислонившись к стене, и вытирала слезы, которые текли по ее лицу ручьем, потухшим взглядом она осматривала окрестности, будто прощаясь с ними. Гена выскочил из машины, подбежал к однокурснице, прижал ее к себе крепко-крепко и зашептал на ушко: «Держись, все будет хорошо... Только держись. Мы с сыном будем тебя ждать». Потом мужчина взял небольшую сумку, с которой Таня ехала в больницу, бережно посадил женщину на пассажирское сиденье, закрыл за ней дверь, а сам сел за руль.

– Где Арсений? Он не поедет с нами? – тихо спросил Гена.

– Нет, я ему не разрешила меня провожать, – дрожащим голосом ответила Татьяна. – У меня больше нет сил держаться и делать вид, что все хорошо.

– Танечка, – принялся успокаивать Покровский, – это же Германия, там лучшие врачи Европы.

– Мне страшно, Гена, – разрыдалась женщина, – мне так страшно, и я так устала!

– Ну-ка возьми себя в руки, – скомандовал водитель, выезжая на Каширское шоссе. – Ты же врач, ты прекрасно знаешь, как важен настрой для выздоровления. Ты просто устала, но это пройдет.

Геннадий всю дорогу что-то говорил Тане, желая отвлечь ее от страшных мыслей. Ему очень хотелось вселить в мать его ребенка уверенность в завтрашнем дне, веру в свои силы и

в то, что она обязательно вернется в Москву после успешно проведенного лечения. Вдалеке показалось здание аэропорта, и женщина вся сжалась. Геннадий увидел реакцию спутницы, но промолчал – Татьяна через несколько минут останется одна, а значит, должна быть готова самостоятельно справляться с эмоциями.

Возле стойки паспортного контроля Гена задержал Таню – он прижал к себе хрупкую измученную женщину, нежно поцеловал в истрескавшиеся губы и сказал:

– Танечка, держись, только держись. Я сегодня же заберу Арсения домой, так что о сыне не беспокойся. Когда прилетишь, отправь сообщение или позвони – денег на телефон я тебе положу прямо сейчас, чтобы ты всегда могла связаться с нами. Когда будут известны последние анализы, тоже позвони – я хочу знать все нюансы твоего лечения. Когда назначат дату операции, сообщи.

– Гена, не суетись, – чуть улыбнувшись, остановила женщина обеспокоенного Покровского. Она уже взяла себя в руки и могла снова отдалиться от человека, которого всю жизнь безответно любила. – Мы с тобой не муж и жена, мы посторонние люди.

– Ты что такое говоришь? – возмутился Геннадий. – Ты мать моего ребенка! Ты моя однокурсница! Ты мой друг и женщина, которая нуждается в моей помощи. Если не позволишь, я сам буду тебе названивать. И Арсения подключу.

– Хорошо, я буду тебе звонить и держать тебя в курсе, – быстро согласилась Таня. Она опять готова была расплакаться от той заботы, которой окружил ее Гена и которой у нее никогда не было. – Спасибо тебе за все... Спасибо...

Татьяна развернулась и быстро пошла в зону ожидания вылета, оставив мужчину за чертой, куда нет доступа. Геннадий грустно посмотрел в спину Тане и отправился за сыном.

– Добрый день, Геннадий, – сказал высокий юноша, которого можно было бы назвать красивым, если бы не подростковая угревая сыпь, покрывавшая его благородное лицо.

– Привет, Арсений, – Гена обаятельно улыбнулся мальчишке.

– Проходите, – вежливо пригласил сын. – Можете не снимать обувь. Я не мыл полы после маминого отъезда – говорят, что это плохая примета.

– Правильно, – похвалил Покровский. – Тебе мама рассказала обо мне?

– Да, вы мой отец, – спокойно ответил молодой человек.

Гена растерялся от такой открытости мальчика и поэтому молчал.

– Хотите чаю? – вдруг спросил маленький хозяин дома и вымученно улыбнулся.

– Да, спасибо, – согласился от неожиданности гость и прошел на кухню.

Геннадий осматривал квартиру, где долгое время жил его отпрыск. Все, что видел мужчина, явственно говорило о затруднительном материальном положении семьи, и стыд за то, что его не было рядом все 15 лет жизни Арсения, обжигал душу.

– Вы не думайте, что нам очень плохо жилось, – сказал проникательный сын, ставя чайник на плиту. – Моя мама подарила мне счастливую жизнь, дала мне все, в чем я нуждался... Ну и я маме помогал, как мог. Ей же трудно одной было все-таки.

– Прости меня, я просто не знал о том, что ты есть на этом свете, – вырвалось у Геннадия.

– Все нормально, – по-взрослому ответил мальчик. – Я ни в чем не нуждался. И сейчас не нуждаюсь, но спасибо, что заехали навестить меня.

– Арсений, – с удивлением сказал Гена, – боюсь, что ты не понял цель моего визита. Я приехал забрать тебя к себе домой. Мне бы не хотелось, чтобы ты жил один.

– Не беспокойтесь, я справлюсь, – уверенно сказал юноша. – Я привык быть один. Мама же на «Скорой» работала.

– Сынок, – настойчиво произнес Покровский, – так было до тех пор, пока я не знал о твоём существовании. Теперь ты член моей семьи, а значит, пока мама не вернется, будешь жить со мной. Возьми то, что тебе необходимо, остальное купим по дороге.

– Мне ничего не надо, у меня все есть, так что не стоит тратить деньги на это.

– Хорошо, не буду с тобой спорить, – согласился мужчина. – Я посижу здесь, попью чаю, а ты пока собирайся.

Арсений ушел в комнату, чтобы собрать свои немногочисленные вещи, а Геннадий остался на кухне и стал обдумывать сложившуюся ситуацию. «Что делать? Заявиться сейчас домой вместе с Арсением и представить его своим сыном? Или позвонить Зое и предупредить ее о новом родственнике по телефону? Нет, такие вопросы так не решаются. И почему я не догадался поговорить с дочерью заранее?» Пока мужчина терзался от невозможности принять верное решение, мальчик собрался, по-хозяйски прошел по квартире, осмотрел ее и поставил полиэтиленовый пакет с вещами в коридоре.

– Отец, я готов, – голос Арсения дрогнул, но он уверенно посмотрел мужчине в глаза.

– Хорошо, поехали, – Геннадий решил не акцентировать внимание на важном слове, которое произнес юноша. – По дороге я тебе расскажу про твою новую семью.

Глава 7

Зоя открыла дверь и застыла с каменным лицом: на пороге стоял отец, который с утра орал на нее как ненормальный, и прыщавый подросток.

– Зочка, привет, моя родная, – как можно мягче сказал Геннадий. Он решил не возвращаться к утреннему скандалу, девочке и так будет нелегко.

– Здравствуй, – хмуро ответила дочь и сделала шаг назад.

– Милая, познакомься, это Арсений, он будет жить с нами.

– Это с чего это вдруг? – дерзко спросила девушка.

– Зайка, дай нам раздеться, и я тебе все объясню, – попросил отец.

Зоя хмыкнула, развернулась и пошла в свою комнату, всем своим видом показывая, что разговор ей не интересен.

– Дочка, не уходи, – крикнул вслед мужчина. – Давай поговорим!

– Ага! Мы сегодня с утра уже поговорили! Мне вполне хватило!

– Отец, не надо, – вдруг подал голос сын. – Давай я поживу у себя, ничего страшного, я привык сам о себе заботиться. Тем более мне оттуда в школу ближе ходить.

– Нет, Арсений, – остановил Геннадий. – Ты мой сын и будешь жить в моем доме, пока твоя мама не поправится.

– Сын?! – вдруг раздалось из гостиной. Зоя вышла все-таки из своей комнаты. – Моя мама родила меня в 16 лет, а его тогда во сколько?

Арсений покраснел и не знал, куда деться. Ему совсем не хотелось стать причиной ссор в этом доме. Галина Павловна почувствовала, что отцу и дочери нужна помощь, вышла из кухни и подошла к девочке.

– Зайка, дай своему отцу сказать хоть слово. – Няня обняла Зою. – Мойте руки и пойдемте ужинать, как раз все готово.

Гена с благодарностью посмотрел на хранительницу их семейного очага и, подтолкнув Арсения в сторону ванной комнаты, улыбнулся дочери. Девочка смотрела на него с каменным лицом.

Все сели за круглый стол и уставились в тарелки. Геннадий нарушил затянувшуюся тишину:

– Зайка, послушай. Я хотел заранее тебя подготовить к этой новости, но так получилось, что просто не успел. Когда я был студентом, мы с мамой Арсения провели одну ночь вместе. Я не буду рассказывать тебе об обстоятельствах, приведших к тому, что случилось, тебе не надо это знать... После той ночи меня быстро забрал твой дедушка в Иркутск, а Татьяна еще оставалась на практике. В начале учебного года ее уже не было в нашей группе. Именно поэтому я так и не узнал, что в результате моей... халатности на свет появился мальчик. Сейчас мама Арсения очень больна. Сегодня я отвез ее в аэропорт, откуда она улетела в Германию, чтобы сделать сложнейшую операцию, а сын остался совсем один в этом городе. Я чувствую ответственность за то, что этот ребенок был обделен моей заботой столько лет, поэтому и привел его к нам, пока его мама проходит лечение. Я надеюсь, что мы все станем одной семьей и ты поможешь своему брату пережить это испытание.

– Он мне не брат, – фыркнула девочка. – И если ты помнишь, мамы у меня тоже нет, так что он не более несчастен, чем я.

– Зочка, – вмешалась Галина Павловна в разговор, – у тебя всегда был папа, который тебя очень любит, бабушка и дедушка, приезжающие к тебе в гости, и я у тебя всегда была, есть и буду. А у Арсения нет больше никого, кроме мамы, нуждающейся в серьезном лечении за границей.

Зоя потупила глаза, долго молчала, а потом выдавила из себя:
– Хорошо, пусть живет. Только не в моей комнате.

Арсения поселили в кабинете Геннадия. Отец очень извинялся за то, что у них в доме нет комнаты для сына, однако мальчик был поражен богатством дома, удобствами, которые его окружают, и огромной библиотекой изданий медицинской тематики, оказавшейся в свободном доступе. Юноша мечтал стать врачом, как мама, поэтому с жадностью поглощал всю профессиональную литературу. Сейчас для него открылся целый мир, недоступный ранее. Покровский смотрел на сына, который тут же вцепился в справочники и научные монографии, и видел себя молодого, которого привел когда-то за руку Борис Львович в свою комнату после страшной трагедии. Гена понимал, что сейчас он делает все правильно – это его плата за то, что когда-то он остался жив и стал тем, кем он стал. «Круг замкнулся», – подумал мужчина и улыбнулся. Какой-то покой поселился в его душе.

Глава 8

Гена, Арсений, Галина Павловна и Инна сидели за столом, пытаясь найти причину болезни девочки.

– Не казните себя, Геннадий Матвеевич, – мягко сказала няня и погладила мужчину по руке. – Мне кажется, что вы очень достойно вели себя в те дни с девочкой. Вы прекрасный отец и ничем не обделили дочку.

– Ладно, читаем дальше, – продолжил Покровский. – «Импульс третий: обретение собственного идеала красоты и осознание несоответствия ему».

– Собственный идеал красоты? – переспросила Галина Павловна. – Я с девочкой каждый день общалась, ни разу от нее не слышала рассуждений о чьей-либо красоте.

– Мне она говорила, что я очень красивая, – вдруг вспомнила Инна, – но не думаю, что это имеет отношение к болезни.

– Может, и имеет, – промолвил Гена и начал вспоминать дальнейшие события, которые происходили в тот сложный для всех год.

Дочь и сын почти не общались в первую неделю. Арсений старался быть мягким и уступчивым, беспрекословно слушался отца и няню, прекрасно учился и никогда ни на что не жаловался. Зойка же в те дни была капризна, часто дулась и грубила всем подряд, но день за днем она оттаивала, и вот уже стычки между подростками стали сменяться разговорами за чашкой чая и редкими совместными шалостями. Галина Павловна и Геннадий вздохнули с облегчением, решив, что все сложности остались позади. Однако жизнь преподнесла им еще один удар.

– Отец, – подошел Арсений, – у мамы через неделю операция. Мне страшно за нее. Она там совсем одна. Мамочка очнется от наркоза в чужой стране, с чужими людьми, и совсем никого рядом с ней не будет. Мне очень стыдно, но я хотел бы нарушить слово, данное ей, и полететь туда. Ты не мог бы меня отправить в Германию?

– Ты прав, сынок, – отозвался мужчина. – Завтра же я займусь билетами и проживанием. Ты замечательный человек, Арсений. Твоя мать очень хорошо тебя воспитала, я горжусь тобой.

В этот момент зазвонил телефон, и Покровский отвернулся от мальчика. Сын вышел из гостиной, чтобы не мешать разговору. А через некоторое время мужчина пришел на кухню, где собрались все члены семьи, и сказал:

– У дедушки большие проблемы с сердцем. Завтра он прилетает в Москву – здесь его будут оперировать.

Зоя подняла огромные глаза на отца и сжала губы. Было видно, что девочке вдруг стало страшно, что ее жизнь вот-вот разрушится, разлетится на мелкие частички.

– Я хочу видеть дедулю, – прошептала она.

– Конечно, милая, – откликнулся отец и погладил дочь по голове. – Мы с тобой поедем встречать дедушку и проводим его в больницу. Заодно я поговорю с врачами. Он прилетает днем, но в школу ты можешь не ходить.

Зоя кивнула и прижалась к няне.

В аэропорт Геннадий с Зоей прибыли раньше времени. Поняв, что до прилета остается еще больше часа, отец и дочь направились в кафе. Есть не хотелось совсем – слишком тревожно было на душе, но стоять в зале ожидания и всматриваться в лица выходящих людей, безнадежно пытаясь отыскать единственное родное, – еще хуже. Гена взял под локоть дочь и повел в сторону столиков. Проходя мимо стеклянных окон здания аэропорта, мужчина вдруг увидел отражение красивейшей пары и с удивлением отметил, что видит именно себя и Зою. Впервые Покровский посмотрел на девушку глазами мужчины, а не отца. К 14 годам его крошка вдруг превратилась в юную женщину: детская фигурка приобрела соблазнительные изгибы; жесты,

манеры и взгляд стали манящими. Изменения произошли и в одежде – теперь в гардеробе были обтягивающие джинсы, коротенькие курточки и кофточки, высокие каблочки. В таком образе уже в 14 лет девочка была дико сексуальна. Весь час, что папа с дочкой просидели в кафе, Геннадий ловил себя на том, что смотрит на дочь глазами мужчины, и очень смущался от такого открытия. Наконец объявили о том, что самолет совершил посадку.

Бориса Львовича везли на каталке работники аэропорта, Екатерина Леонидовна шла сзади, везя за собой чемодан. Когда мужчина увидел профессора, то сразу понял, что дела совсем плохи. Лицо больного было синюшным и отекившим, взгляд потускнел, а все вещи болтались на изнеможенном теле как на вешалке. Зоя бросилась к дедушке:

– Дедуля! Дедуля, я так соскучилась!

В очередной раз Покровский залюбовался стройной фигуркой дочери, однако тут же одернул себя и переключил внимание на пожилую чету, заменившую ему рано погибших родителей. Борис Львович и Екатерина Леонидовна тепло здоровались с внучкой, хотя было видно, что улыбки даются им с трудом. Геннадий поспешил родным навстречу.

Профессора определили в палату, и Гена пошел разговаривать с хирургами, а Екатерина Леонидовна и Зочка окружили своим вниманием и заботой старика. Когда мужчина вышел из ординаторской, он увидел, что пожилая женщина сидит в коридоре.

– Екатерина Леонидовна, что случилось? – встревожился мужчина.

– Все нормально, милый, – подняла уставшие глаза «вторая мать». – Боря захотел наедине поговорить с внучкой. Не знаю, о чем.

Как только были произнесены эти слова, из палаты выскочила Зоя и уставилась на Геннадия.

– Это правда? – Губы малышки дрожали, а кулачки были сжаты. – Скажи мне, это правда?

– Милая, я не знаю, о чем ты говоришь.

Екатерина Леонидовна поспешила к мужу, оставив отца с дочерью наедине.

– О том, что ты не мой отец, – расплакалась Зайка.

– Крошка моя, – притянул к себе ребенка Покровский. – Ты моя с самого рождения. Ты моя и только моя дочка... Да, в тебе не течет моя кровь, но это ничего не значит!

– Не значит? – вскричала Зоя. – Что ты об этом знаешь? Он отнял у меня мамочку! И тебя тоже отнял! Ты мне не отец! А он мне не дедушка!

– Зочка, зайка моя, я был твоим отцом с самого твоего рождения и всегда им буду. И дедушка с бабушкой у тебя самые настоящие: они твои родные по крови, но это и не главное. Главное, что они очень любят тебя и в тебе их смысл жизни.

– Смысл жизни? – переспросила дочь. – Какой жизни? Он убил мою маму, а меня отдал чужому человеку. И в этом смысл его жизни?!

– Ты сейчас расстроена, поэтому не можешь рассуждать разумно, – пытался успокоить девочку отец. – Поверь мне, у твоего дедушки не было и дня, чтобы он не жалел о том, что когда-то поднял руку на Верочку, хотя ее гибель была трагической случайностью. Он очень страдает от того, что не уберег дочь. И то, что ты сейчас отвернешься от него, его может просто убить.

– Мне все равно. Он убил мою маму и сломал мне всю жизнь, – зло сказала Зоя и направилась к выходу. Геннадий бросился за ней.

Глава 9

Галина Павловна, Геннадий и даже Арсений пытались поговорить с Зоей, объяснить, что ничего не поменялось в ее жизни.

– Любовь – это нечто большее, чем единая кровь, – говорила няня девочке. – Посмотри на нашу любимую картину, где влюбленные вдвоем взлетают к небесам. Они же не родные, они абсолютно чужие друг другу люди, но их сердца бьются в унисон, потому что в их душах живет любовь. У вас с папой точно так же. Вот еще неделю назад что бы ты сказала про папу?

– Что папочка у меня самый лучший в мире, – буркнула Зоя.

– А он разве изменился по отношению к тебе?

– Нет, но он же мне не папа, – подняла затравленный взгляд молодая девушка.

– А кто же тогда?

– Не знаю.

– Девонька, он твой папа с самого твоего рождения. И он очень страдает от того, что ты отвергаешь его любовь. И дедушке очень плохо. Он считает себя виноватым в смерти дочери, а ты, его единственная и любимая внучка, отвернулась от него. Разве так можно? Он же дал тебе все, что мог дать: семью, заботу, любовь... Так нельзя, маленькая моя...

Зоя вытерла слезы и кивнула головой. Было видно, что няня вложила в ее хорошенькую головку какую-то мысль, которую теперь предстояло выносить и вырастить.

Геннадий мотался между работой и больницей, а в это время его голова была занята дочерью. Ее боль не давала ему покоя, но что делать, он не представлял.

Борису Львовичу становилось все хуже и хуже, и операция каждый день откладывалась. На ежедневном консилиуме опытейшие хирурги и кардиологи принимали решение стабилизировать больного и лишь после этого оперировать. Однако сегодня врачи поняли, что дальнейшее промедление становится опасным для пациента, поэтому сообщили Покровскому, что на послезавтра они ставят в план операцию и сегодня уже начали подготовку профессора.

– Зоя, Арсений, я приехал, – прокричал отец, войдя в дом. Двери комнат открылись, и дети вышли в прихожую. – Зочка, дедушке назначили операцию на послезавтра. Я поеду в больницу, если хочешь, можно поехать вместе.

– Я бы хотела съездить к нему завтра, если можно, – сказала девушка. – Я думаю, что мне надо извиниться перед ним.

– Зайка моя, – Гена прижал к себе дочь, – какая ты у меня замечательная. Я горжусь тобой, крошка.

Зоя прижалась к отцу и посмотрела на него потеплевшим взглядом. Покровский поцеловал девушку в макушку и не заметил, что в глазах дочери появилось что-то совершенно новое.

– Арсений, – уже обращался к сыну мужчина. – Я привез билеты на самолет на послезавтра. Сам понимаешь, я не смогу полететь с тобой – я нужен тут. Извини, сынок...

– Отец, я все понимаю, – благодарно улыбнулся мальчик. – Спасибо тебе за заботу о нас с мамой.

– Не за что, сынок. Ты звонил ей сегодня?

– Да, мы уже разговаривали. Но я ей не сказал, что прилечу.

– Правильно, не надо ее тревожить. Как она сегодня? – спросил Геннадий.

Зоя, поняв, что отец переключил свое внимание на молодого человека, развернулась и пошла к дверям своей комнаты, но по дороге вдруг передумала. Она вернулась в прихожую и прижалась к отцу, заинтересованно поглядывая на брата. Геннадий обнял одной рукой дочь и продолжил разговор.

– У нее совсем слабый голос, – грустно произнес мальчик. – Я спросил, когда ей будут делать операцию, но она не ответила на мой вопрос. Я волнуюсь за нее очень.

– Не переживай, – успокоил Покровский. – Я завтра днем позвоню лечащему врачу Татьяны, который присылал мне последние результаты ее анализов, и спрошу про дату операции. Потом тебе сообщу.

– Спасибо, отец. – Арсений слегка успокоился и пошел обратно в комнату, где на столе лежала открытая книга по фармакологии. А Зойка продолжала висеть на отце и рассказывать свои девичьи новости. Геннадий вздохнул с облегчением: «Вроде девочка отошла от потрясения».

В пять утра раздался телефонный звонок. Галина Павловна услышала его первой сквозь чуткий сон и взяла трубку. Буквально через минуту она ее положила и простонала: «Боже! Горе какое!»

Из спальни выбежал Геннадий и по глазам няни все понял.

– Я в больницу, детей не будите и не говорите о случившемся, пока я не вернусь, – четко скомандовал мужчина. – Я улажу все дела, заберу Екатерину Леонидовну и вернусь.

Пожилая женщина кивнула головой и прошла на кухню.

Дети встали в этот день поздно. Первым вышел Арсений, который уже начал собирать вещи для завтрашнего путешествия в Германию. Мальчик был сосредоточен и задумчив, однако его чуткое сердце подсказало, что произошло что-то страшное.

– Галина Павловна, что случилось?

– Ничего, сынок, садись завтракать, – только и смогла сказать няня, но молодой человек не поверил словам женщины и продолжил расспрашивать, надеясь помочь чем-то, что в его силах.

В этот момент на кухню вошла заспанная Зоя. Девушка терла виски и морщилась.

– Я ночью слышала звонок, – хрипло сказала красавица. – Кто это был?

– Никто, – хмуро ответила няня, наливая своей любимице чай.

– Что, ошиблись номером? – продолжала расспрашивать девушка.

В этот момент на кухню зашел Геннадий. Он молча подошел к форточке, открыл ее, сел за стол и достал сигареты.

– Папа, – воскликнула Зочка, – ты никогда не курил, да еще и мне такой скандал из-за этого устроил!

– Зоя, сегодня утром дедушка умер, – тихо произнес Покровский, проигнорировав слова дочери. – Бабушка сейчас в больнице, ей колют транквилизаторы. Похороны состоятся в Иркутске через два дня. Там все устроят, я уже звонил и договорился. Тело будет отправлено завтра. Мы полетим тоже завтра. Надеюсь, что бабушка уже сможет перенести перелет.

Зоя в один момент изменилась в лице – что-то нежное и детское ушло из ее взгляда. За две последние недели она превратилась из маленькой принцессы во взрослую женщину. Девушка вдруг поняла, что в тот момент, когда к ним в дом зашел Арсений, она перестала быть единственной, самой лучшей и самой любимой, через неделю она «потеряла отца», узнав, что никакого кровного родства между ними с Геной нет, а вот сейчас она перестала быть внучкой, потому что любимый дедушка ушел из жизни.

– Тебе не надо лететь в Иркутск, – вдруг произнесла Зоя. – Дедушке теперь ничем не поможешь, а вот Арсению и его маме ты помочь еще в состоянии. Поэтому отправляйся в Германию, а мы с бабушкой и няней – на похороны.

– Ты что такое говоришь, дочь? – возмутился Геннадий. – Как ты могла предположить, что я не попрощаюсь с Борисом Львовичем? Как ты могла подумать, что я отпущу тебя одну?

– Попрощаться с ним ты можешь сегодня и завтра. В морг тебя пустят, – холодно произнесла девушка. – А лечу я не одна, а с родными. Арсению ты будешь нужнее. Мне кажется, что дедушка меня бы поддержал.

Последним предложением Зоя добила своего – Гена понял, что на самом деле будет правильно сейчас полететь с сыном. Борис Львович, когда-то сказавший, что медицина – это призвание или даже диагноз, сделал бы то же самое – поехал туда, где его знания будут нужнее. Галина Павловна порадовалась тому, что ее малышка так правильно рассудила. «Значит, не эгоистку мы вырастили, раз о брате подумала в такой страшный момент», – решила няня и поцеловала девочку. Однако мотивы такого предложения у Зои были совсем другие. «Это я виновата в смерти дедушки, – в отчаянии думал 14-летний ребенок. – Это я его убила своим поведением, значит, я должна искупить вину перед ним. Я сама должна проводить его в последний путь, я сама должна помочь бабушке прийти в себя, раз это именно я забрала у нее дедулю. Я все сделаю сама, а ОН пусть летит с сыном, пусть искупает вину перед ним за то, что тот рос без него». С тех пор, как Зоя узнала правду, она не могла называть Геннадия папой. В разговорах с ним она старалась никак к нему не обращаться, а в своих мыслях именовала его исключительно «он». С этих пор начиналась совсем другая жизнь... и рождалась совсем другая Зоя.

Глава 10

– Геннадий Матвеевич, а при чем тут Инна? – спросила Галина Павловна у Покровского, который углубился в воспоминания прошедшего года.

– Я сам себе не признавался в этом, хотя меня очень ситуация тревожила, а уж вам-то и подавно не хотел говорить, – сказал мужчина. – Но здоровье дочери сейчас важнее всего остального, так что придется посмотреть правде в глаза. После того как Зоя узнала о том, что я ей не родной, ее отношение ко мне очень изменилось...

Следующим утром Геннадий с Арсением вылетели в Германию, а Зоя, Екатерина Леонидовна и Галина Павловна – в Иркутск. Мужчине такое решение далось нелегко, но он понимал, что сейчас трудно всем.

Уже днем отец с сыном входили в холл огромного больничного комплекса, где проходила лечение Татьяна. Персонал клиники хорошо владел английским языком, поэтому Покровскому не составило труда узнать о состоянии здоровья российской пациентки.

– Арсений, – тревожно посмотрел на сына Гена, – операция началась час назад. Доктор Норберг, с которым я держал связь, сейчас в операционной, поэтому подробностей мне сказать никто не может. Нам предложили подождать в приемной, а как только он освободится, ему сообщат о нашем приезде.

– Почему она не сказала? – чуть не плача, произнес мальчик. – Я же спрашивал ее.

– Наверное, не хотела тебя тревожить, – предположил отец. – Ты же знаешь, как сильно она тебя любит. Она сделала это для тебя. Пойдем выпьем кофе и будем ждать результатов.

Через три часа доктор Норберг вышел в приемную. Он поискал глазами родственников его пациентки и, обнаружив «мужа» и сына в дальнем углу комнаты, направился к ним.

– Добрый день, я доктор Норберг.

– Добрый день. Я доктор Покровский, мы общались с вами по телефону, – ответил Геннадий на английском языке, окрестив себя доктором. Вдаваться в сложные взаимоотношения, связывающие его с Татьяной, ему не хотелось. – Как прошла операция? Как Татьяна?

– Мне очень жаль... Женщина умерла на операционном столе. Мы сделали все, что могли. – Хирург развел руками, показывая свое сожаление о случившемся.

Покровский сел в кресло и закрыл лицо руками, Арсений стоял рядом и пока не понимал, что происходит. Мальчик сердцем чувствовал, что случилась беда, но разум пока отказывался принимать эту информацию. Пожилой немец вызвал медперсонал для родственников умершей на случай, если им понадобится какая-то помощь, положил руку на плечо мужчины, а потом сказал:

– Вам придется пройти потом к нашему юристу, чтобы уладить все формальности. Мне очень жаль.

Геннадий кивнул головой и постарался взять себя в руки. Рядом стоял Арсений и смотрел на отца и доктора широко открытыми глазами.

– Сынок, – голос Гены сорвался, – твоя мама только что умерла...

Мальчик побледнел, а потом сел на корточки, сжался и заплакал. Взрослый 15-летний подросток стал совсем маленьким в своем горе, боль стирала границы возраста, характера, пола и родства... В этот момент не было молодого человека Арсения, была только боль, сконцентрировавшаяся в одной точке, мешавшая дышать, думать, жить. Гена смотрел на сына и видел себя 16 лет назад, когда он жил, не зная слова «завтра». Тогда впереди ничего не было, только пугающая чернота. Он тогда еле выжил, и теперь его сын проходит через точно такую

же боль. «Круг замкнулся, – в который раз подумал Покровский, оглядываясь на свою жизнь и замечая странные закономерности. – Круг замкнулся. Все искуплено. За все заплачено».

Мужчина схватил сына в охапку, прижал к себе и жарко зашептал: «Ты мой сын, ты моя кровь. Ты не один и никогда одним не останешься. Твоя мама ушла в другой мир спокойная за твою судьбу. Будь сильным, не подведи ее. А я тебе в этом помогу».

Слова отца благотворно действовали на Арсения, мальчик постепенно приходил в себя и успокаивался. Наконец он затих, углубившись в свои мысли и чувства. Потрепав сына по макушке, Геннадий встал:

– Пойдем, у нас с тобой очень много дел, сынок. И самое главное сейчас – умыться и пойти к юристам. Ты мне нужен, без тебя я не справлюсь.

Арсений кивнул головой и собрал свою волю в кулак: он должен быть сильным, мамы больше нет, но теперь есть отец, которому он нужен, и сестра, которой сейчас очень и очень тяжело.

Похороны проходили в Москве. Геннадий всем занимался сам, привлекая то и дело сына, чтобы не дать подростку уйти в мрачные мысли. Пока дела сыпались со всех сторон, тоска отступала, а именно этого отец и добивался. Зоя с няней задерживались в Иркутске, желая поддержать бабушку, которая из директора ликеро-водочного завода, властной и сильной женщины, превратилась в печальную и растерянную старушку. Девочка знала о беде, которая случилась в семье своего так называемого брата, и готова была вылететь в любую минуту, чтобы поддержать и Гену, и Арсения, но отец настоял на том, что ее присутствие здесь сейчас не нужно.

– Милая, – уговаривал дочь Покровский, – ты попадешь с одних похорон на другие. Я боюсь за тебя. В 14 лет девочки проводят время на дискотеках, а не на кладбищах и в моргах.

– Но вам же там сейчас тяжело, – настаивала Зоя. – Я вам нужна.

– Зайка моя, ты мне всегда нужна, и в горе, и в радости. Я безумно по тебе скучаю, но мне будет гораздо спокойнее, если я буду знать, что с тобой все в порядке, тебе ничего не грозит и ты приходишь в себя после всех потрясений.

– Ладно, папа, – произнесла девушка, не обратив внимания, что снова назвала мужчину отцом, – если тебе так спокойнее, то я останусь. Арсению передай мои соболезнования.

Геннадий выдохнул с облегчением и положил трубку.

На поминках Покровский и увидел впервые Инну.

– Это мамина лучшая подруга, – представил Арсений молодую женщину, полностью одетую в черное. – Ее зовут Инна, сейчас она работает в больнице, а раньше они с мамой вместе работали в «Скорой помощи».

– Здравствуйте, – нежным голосом произнесла молодая женщина и подала маленькую ручку.

– Здравствуйте, Инна, – ответил Геннадий, рассматривая лучшую подругу умершей однокурсницы. Перед ним стояла редкая красавица: густые черные волосы тугими локонами падали на плечи и спину, фарфоровое лицо было абсолютно правильной формы, тонкий нос с горбинкой придавал очарования, а полные чувственные губы влажно блестели и наводили на мысли о сексе. Но больше всего Гену удивили ее глаза. Огромные черные озера смотрели печально и внимательно, и было в них что-то такое родное, что не могло оставить мужчину равнодушным. Покровский забыл про трагический повод, по которому они встретились, и обаятельно улыбнулся новой знакомой. Дальше мужчина и женщина уже не могли оторваться друг от друга: они с упоением рассказывали о своем детстве, об учебе в медицинском институте, об особенностях работы, об исследованиях, диагнозах, мечтах, снах. Геннадию вдруг показалось, что он вернулся в свою юность, в то время, когда для него существовала только медицина, когда он

встречался с девушками и приглашал их на свидания, когда не было отцовских обязанностей, работы на телевидении и такой размеренной и распланированной жизни. «Круг замкнулся, – опять подумал Гена. – Я заплатил за свое спасение, теперь можно начинать новую жизнь, где будет место любви, встречам, свиданиям и медицине».

И эта жизнь началась. Пока Зоя с няней была в Иркутске, Гена ежедневно встречался с Инной, наслаждаясь удивительно легким общением. Однако скоро слов стало мало, и вот требовательные мужские губы касаются пухлых женских губ, и в этот момент Геннадий тонет в омуте черных глаз. Страсть захлестнула мужчину с такой силой, что он перестал отдавать отчет в своих действиях – казалось, что он хочет проглотить своим ртом Инну, руками – разорвать ее на части, телом – вдавить в кресло автомобиля. Забыв про то, что они находятся в машине, стоящей возле подъезда женщины-врача, Покровский сорвал тонкий кашемировый свитер с обезумевшей от такого напора Инны и жадно приник к полной душистой груди. Инна застонала, что послужило для мужчины сигналом к следующему действию. Властная рука проникла в черные брючки женщины и начала ласки влажного нежного лона. Сильнейший оргазм сотряс хрупкое тело пассажирки, а через несколько мгновений она доставила неземное наслаждение своему спутнику. Мужчина и женщина приходили в себя – они смотрели друг на друга и не верили в происходящее. Наконец Инна натянула на себя поднятый с пола свитер и хрипло произнесла: «Пойдем ко мне». Мужчина плотоядно улыбнулся и вышел из машины. У него начиналась вторая молодость.

Глава 11

Через полтора месяца прилетели Зоя и Галина Павловна. Девочка очень соскучилась по отцу, поэтому, когда открылась входная дверь, она кинулась на шею Гене и вдруг заметила женщину, стоящую позади.

– Это кто? – Девочка тут же изменилась в лице.

– Малыш, познакомься, это моя подруга Инна. – Гена привлек к себе дочь и поцеловал ее в лобик.

– Она что, будет жить у нас?

– Пока она пришла к нам в гости, – улыбнулся мужчина и представил, что через несколько часов он опять овладеет этой страстной жаркой женщиной.

Для него вдруг отошла на второй план вся его предыдущая жизнь: дочь, сын, телевидение – все стало неважно. Теперь все свободное время Покровский проводил либо в больнице, где работала Инна, пытаясь хоть как-то наверстать упущенные возможности практической медицины, либо в любых укромных местах, желая восполнить такое длительное отсутствие сексуальной жизни. И даже когда отец бывал дома, он витал в своих мыслях и не видел, что Зоя стала сама не своя.

– Геннадий Матвеевич, – пыталась обратить внимание отца на ребенка няня, – с девочкой что-то происходит. Она перестала с нами общаться, с Арсением постоянно ругается, ее оценки стали намного хуже, а про пение я вообще молчу. А вещи... Ее вещи постоянно пахнут табаком – девочка курит. Надо что-то делать.

– Я поговорю с ней, – отвечал Покровский и снова уходил в свою новую яркую жизнь, которой он был лишен долгих 16 лет.

Прошло восемь месяцев. Арсений оканчивал школу и шел на золотую медаль. Мальчик упорно готовился к поступлению в медицинский вуз, причем хотел это сделать без помощи отца, который, безусловно, имел связи и мог лишить сына нервного трепки, связанной со вступительными экзаменами. Но и Геннадий, и Арсений понимали, что врач – это человек, отвечающий за жизни других людей, поэтому рассчитывать с самого момента поступления и до конца всей своей карьеры придется только на самого себя. Но если сын не приносил никаких хлопот семье, то с Зоей дела обстояли намного хуже. С момента возвращения из Иркутска девочка очень изменилась. С ней стало сложно разговаривать: она то ластилась к отцу и не отпускала его от себя ни на шаг, особенно в те редкие дни, когда Инна не приезжала в гости, то грубила, правда, если уж грубила, то попадало всем. Больше всего девушка обижала Арсения, хотя тот души не чаял в своей сестре. И снова няня шла к Покровскому, чтобы поговорить:

– Геннадий Матвеевич, может, ее психологу показать?

– Это просто подростковый период, – отвечал отец, отправляя в этот момент сообщение своей женщине.

– Может, и подростковый, но ситуация-то нездоровая, – продолжала настаивать пожилая женщина. – Девочка ревнует вас. Женились бы вы на Инне, что ли? Может, тогда Зочка станет смотреть на вас по-другому.

– По-другому? – переспросил Геннадий. – Что вы имеете в виду?

– Мне кажется, что она видит в вас мужчину, а не отца, – вздохнула Галина Павловна. – Зря Борис Львович все девочке рассказал, зря...

– Ну что вы выдумываете? – усмехнулся отец. – Она же еще ребенок, всего четырнадцать с половиной лет.

– Раньше в это время уже женщинами становились... И она теперь такая же – взрослая и дитя одновременно. И ей сейчас очень тяжело: ведь она вас любит, но знает, что вы ей не отец, поэтому в голове все перемешалось.

– И вы считаете, что женитьба поможет? – поинтересовался Покровский, хотя и сам подумывал о том, чтобы создать с Инной семью.

– Может быть, – ответила няня, хотя было видно, что сомнения ее гложут.

– Я подумаю, – пообещал мужчина и направился к дочери в комнату.

Зоя сидела на кровати и рассматривала журналы.

– Давай поговорим, дочка, – предложил Покровский.

– О чем? – язвительно спросила та. – О твоей всепоглощающей любви?

– Малышка моя, – ласково погладил девушку отец, – ты всегда была и будешь моей самой любимой девочкой. Я знаю, что последние события потрясли тебя, да и меня тоже, и жизнь твоя изменилась, но моя любовь к тебе вечна.

– Я люблю тебя, – прошептала Зоя, глядя Геннадию в глаза.

– И я тебя люблю, дочка, – ответил Покровский.

– Ты так ничего и не понял, – промолвила девушка и, отвернувшись к стене, разрыдалась. Сердце Гены разрывалось от жалости к этой маленькой худенькой брюнеточке, которая волею судьбы стала его дочерью. Он схватил хрупкое тельце, прижал к себе и начал укачивать рыдающую дочь, как ребенка. Через какое-то время Зоя затихла и заснула. Мужчина накрыл девочку одеялом и вышел из комнаты.

Думать о женитьбе Геннадию долго не пришлось – через неделю Инна сообщила, что беременна. Радости мужчины не было предела – наконец-то у него будет свой ребенок, в полной мере свой, зачатый им и его любимой женщиной в порыве осознанной страсти. Решив скрыть до поры до времени интересное положение невесты, пара подала заявление в ЗАГС и стала готовиться к торжеству. Галина Павловна активно принимала участие в организации торжества, а дети устранились от этой темы. Арсению было просто не до этого – он целыми днями просиживал над учебниками, готовился к экзаменам и читал всю доступную ему литературу профессиональной тематики, а Зоя злилась, почти не выходила из своей комнаты и отказывалась разговаривать и с отцом, и с братом, и с будущей мачехой. Лишь няню она допускала к себе.

Свадьба и праздничный банкет прошли великолепно, и только Зочка не видела этого. Перед таким важным событием в жизни ее отца у девушки поднялась высокая температура, которую не могли сбить ни сам Геннадий, ни Арсений, ни приглашенные Покровским врачи. Галина Павловна осталась с больной, хотя ей очень хотелось поприсутствовать там, куда было вложено так много ее сил и стараний. Именно в тот день няня обнаружила, что ее Зайка отказывается от еды, даже от куриного бульона, но решила не настаивать. Она вытирала потный белый лобик девочки влажными полотенцами, поила ее горячим чаем и целовала тонкие пальчики, а девочка лишь на минутку открывала потускневшие глаза и тут же закрывала их.

В доме наступила мертвая тишина.

Глава 12

– Неужели именно с нашей свадьбы Зоя перестала есть? – испуганно спросила Инна.

– Похоже, что да, – тоскливо ответил Геннадий. – Галина Павловна, вы не помните, не изменились ли Зоины привычки за то время, что мы были в свадебном путешествии?

– Привычки? – няня задумалась. – Ну, Зоя перестала выходить на кухню и старалась есть в комнате. Я, правда, думала, что это из-за того, что вас нет дома, а со мной и Арсюшей ей неинтересно.

– Боюсь, тут другая причина, – сказал Покровский и провел пальцем по тексту лежащего перед ним справочника. Вот послушайте: «Девочки-подростки часто используют одинаковые отговорки, позволяющие им избежать приема пищи. Чаще всего употребляются следующие предлоги: «поела у подружки», «была в кафе», «поем в своей комнате».

– Боже, именно это она постоянно и говорила – воскликнула Галина Павловна. – И как я могла не понять, что дело зашло так далеко?

– Но она иногда ела с нами, – вспомнил Арсений. – Точно говорю, потому что все наши совместные ужины я помню. Она набрасывалась на еду как ненормальная и ела в несколько раз больше меня.

– Я боюсь, что это тоже проявление болезни, – обеспокоенно посмотрел на сына Геннадий. – После такого обильного поглощения пищи больные, страдающие анорексией, потом бегут в уборную, где вызывают у себя рвоту.

– Рвоту? – молодой человек был изумлен. – Я думал, что у нее диарея.

– Нет, к сожалению, это не диарея, это анорексия.

– Но ведь нас не было два месяца, как она могла продержаться так долго совсем без еды? – удивилась беременная жена.

– Нет, Зоя часто пила чай, ела обезжиренный творог, легкие йогурты... И вареные овощи, – уверенно сказала няня. – Наверное, именно они поддерживали ее силы.

– Но что же случилось потом? – терзался Покровский. – Если она ела кисломолочные продукты и пила чай, то ее организм не мог быть до такой степени обезвожен и истощен. Значит, есть еще какая-то причина.

– Боюсь, эта причина во мне, – покраснев, признался Арсений. – Мне очень стыдно признаваться в этом, но молчать, когда здоровье сестры в опасности, я не могу. Пока вас не было, мы с Зоей начали хорошо общаться. Мы часто проводили время вместе, иногда – в ее комнате, иногда – в моей. В тот день мы поругались: она кричала, что у нее очень толстые ноги, а я ее убеждал, что она фантастически красива. В итоге Зоя обозвала меня простолюдином и лохом, и я вышел из комнаты, хлопнув дверью. Через какое-то время мне стало стыдно, ведь ее это на самом деле мучает, и я решил помириться с Зойкой. Чтобы показать сестре, какая у нее потрясающая фигура, я накачал в Интернете разных картинок полуобнаженных моделей. Я думал, что если девочка посмотрит на себя в зеркало, а потом на фотографии общепризнанных красавиц, то она увидит, что ее фигура ничем не отличается от их. Я позвал сестру, а она мне в ответ лишь нагубила, и я вернулся в комнату. Пока я искал эти фотографии, я наткнулся на сайты с порно. Обиженный на Зою, я сел снова за компьютер и открыл первый попавшийся эпизод. Увиденное меня очень возбудило, и я стал удовлетворять себя. Мне было очень приятно, я стонал и был близок к завершению процесса. В этот момент в комнату зашла Зайка. Я развернулся в кресле и кончил прямо у нее на глазах. Зойка выскочила из комнаты, я побежал за ней, но не догнал. Но я слышал, что ее долго рвало в туалете... Я вообще не знаю, как она пережила это... Я же ее брат... А она такое увидела...

– Арсений, – тихо сказал Геннадий, – ты ей не брат, и она прекрасно об этом знает.

– Не брат? – Глаза юноши стали похожи на огромные блюда. – Как?

– Я потом тебе расскажу все, – устало произнес отец. – Но, видимо, ты прав... Именно ее рвота и дальнейшее голодание привели к заболеванию. Только не казни себя, сынок. Твоей вины тут нет. Зоя не увидела ничего такого, о чем она не знала раньше.

– Папа, прости меня, – простонал мальчик.

– Успокойся, тебе не за что просить прощения, – ответил отец и закрыл всю литературу, лежащую у него на столе. – У Зои сложные обстоятельства жизни, и она запуталась. Все, что связано с любовью, у нее стало вызывать только отрицательные эмоции. Мы все так или иначе виноваты в случившемся, и вместе с тем никто в этом не виноват. Теперь будем думать, что делать дальше. Вы идите спать, а я поищу кого-нибудь, кто работает с такими проблемами и может мне помочь. Слава Богу, врачебный мир достаточно узок и мне хорошо знаком.

Покровский зашел в кабинет. Арсений готовился ко сну.

– Сынок, я тебе не помешаю? – спросил Геннадий.

– Нет, пап, конечно нет, – ответил юноша и лег на диван.

Мужчина сел за свой рабочий стол, достал все записные книжки, визитки, клочки бумаг, пытаясь найти того, кто поможет его дочери. Он долго перебирал имена, фамилии и должности людей, с которыми работал или общался в течение последних 15 лет, пока вдруг не всплыла тема диплома его однокурсника: «Нервная анорексия – важнейшая проблема подростковой психиатрии».

– Давид! – воскликнул Гена и ударил себя рукой по лбу. – Как я мог забыть об этом великом балагуре?!

Хотя забыть было немудрено, ведь пока писался диплом, юный студент качал на руках крошку-дочь и мало общался со сверстниками. «Где же он сейчас? – размышлял мужчина. – Я ни разу не столкнулся с ним нигде и ни при каких обстоятельствах. Что с ним? Жив ли он?»

– Арсений, – позвал сына Покровский. – Твоя мама общалась с однокурсниками?

– С кем-то общалась, – отозвался мальчик. – У нее была старая записная книжка, еще студенческая, там была информация обо всем вашем курсе. Она методично ее изменяла, если узнавала новый адрес или телефон, при этом могла сама не звонить и не встречаться. Именно так она нашла тебя...

– Ты знаешь, где эта книжка? – судорожно спросил отец.

– В той квартире, наверное, – отозвался сын. – Раз в сумке, которую нам отдали, не было ничего похожего.

– Как она выглядит?

– Зеленая, с наклейками, довольно большого формата.

– Я поеду за ней. Возможно, там найду телефон человека, который нам поможет, – эти слова мужчина произносил уже на ходу.

– Я с тобой, – быстро отозвался Арсений и вскочил с дивана. – Без меня ты можешь не найти.

– Хорошо, одевайся. Я пойду к Инне, скажу ей, чтобы она леглась без меня.

Через 40 минут Геннадий Покровский звонил в Америку, куда переехал, оказывается, сразу после получения диплома Давид Эдельштейн. Еще 20 минут разговора, сначала на английском, потом на родном русском языке, и дальнейшая судьба девочки была решена.

– Зоя будет лечиться в Америке, – сказал сыну Гена. – Давид возьмет ее к себе в больницу и продержит дочь там как минимум до сентября. Мы с тобой сможем приехать к ней, если захочешь, сразу после того, как ты сдашь все вступительные экзамены. Поехали спать. Завтра я переговорю с врачами дочки и начну заниматься оформлением виз.

Глава 13

Зою какое-то время поддержали еще в больнице, под капельницами, а потом все-таки выписали. Дома было два медика, и такие простые вещи, как инъекция витаминов и внутривенные вливания делать могли и там. Геннадий приехал за дочерью один. Он хотел провести хоть несколько минут наедине с Зоей. Ослабевшая дочь с помощью медсестры надевала теплые вещи, а отец стоял рядом и наблюдал за своей Зайкой. Сейчас она совсем не была похожа на ту цветущую девушку, которой он любовался в аэропорту, где почти год назад встречали дедушку. Зоя выглядела ужасно: цвет лица был серый, волосы вылезали клочьями, скулы заострились, ногти ломались и слоились, мягкая девичья грудь пропала... Гена подавил стон, который вызвал у него вид дочери, а Зоя, услышав отца, оглянулась. Огромные черные глаза затянули Геннадия в омут, и ему вдруг захотелось утонуть в этих озерах, вобрать в себя все то, что несет эта родная для него бездна. Где-то в глубине души зашевелилось что-то знакомое, и мужчина вдруг вспомнил ту всепоглощающую страсть, которую он испытал в тот далекий вечер с Инной. Именно эта черная бездна увлекла его в пучину чувственности, в результате которой сейчас под сердцем его жены растет малыш. Испугавшись собственной реакции на взрослый взгляд дочери, Покровский тряхнул головой и заставил себя вернуться в ту реальность, в которой его больная девочка с трудом стояла возле кровати.

Мужчина подошел к дочери, поднял ее на руки и вместе со своей бесценной ношей пошел к машине. Им предстояла дорога домой, во время которой отец рассказал дочери об особенностях ее заболевания и о том, что ей предстоит проходить лечение в далекой Америке. Девушка молча выслушала информацию и ничем не выдала своих эмоций. А может, этих эмоций у нее и не было...

Зою встретили все члены семьи и окружили со всех сторон, а девушка смотрела только на выпирающий живот мачехи – она до сих пор не знала о том, что женщина беременна.

– Отец, отнеси меня в мою комнату, – слабым голосом произнесла больная, не желая видеть подтверждение того, что ее обожаемый папа отдает свою любовь и страсть другой женщине.

– Хорошо, малышка, – согласился Гена. – Сейчас ты передохнешь, а потом мы будем обедать.

– Я не голодна, – ровным голосом ответила дочь и отвернулась наконец от Инны.

– Но тебе нужно немного поесть, – мягко настаивал Покровский.

– Давай я покормлю тебя, – предложил добрый Арсений. – Мы с тобой чуть-чуть поедим, всего пять ложек, а потом я тебе почитаю какую-нибудь книжку.

Зоя смутилась, но согласно кивнула головой.

Через час в комнате девочки сидели Гена и Арсений. Оба по очереди кормили свою Зайку и развлекали ее интересными рассказами. Девушка смогла проглотить только три ложки. Потом она расплакалась: «Я больше не могу».

Грустный отец отставил тарелку в сторону и поцеловал холодные тонкие пальчики дочери, а брат стал гладить острые коленки бывшей красавицы и успокаивать ее:

– Ничего страшного, не плачь. Ты просто устала. Сейчас ты немного отдохнешь, а потом мы снова покушаем.

Геннадий с любовью посмотрел на своих детей, таких разных, но тем не менее очень родных, и порадовался, что между братом и сестрой все-таки возникла та душевная связь, которая должна быть между родственниками. Поцеловав дочь и потрепав сына по голове, отец вышел из девичьей спальни и пошел к жене.

Арсений остался в комнате. Он любовался девушкой, лежащей рядом с ним, его не смущала ее болезненная худоба, поредевшие волосы, поломанные ногти и потрескавшиеся губы. Молодой человек видел лишь черные бездонные глаза, полные какой-то тайны и женской притягательности. Сейчас, когда он знал правду о Зойкином происхождении, он замечал за собой, что все чаще и чаще думает о сестре как о девушке, его чувства к ней совсем не похожи на родственные.

– Тебе папа сказал про Америку? – поинтересовался молодой человек.

– Ну да, – безразлично ответила сестра.

– И что ты думаешь? – продолжал расспрашивать Арсений.

– Мне все равно, – тем же тоном произнесла девушка.

– А мне нет, я буду очень скучать по тебе.

Зоя подняла глаза и улыбнулась брату: все-таки он очень похож на отца, только моложе.

Целый месяц Арсений ухаживал за девочкой. Почти круглосуточно мальчик сидел возле кровати сестры, читал ей книги, иногда даже учебники, кормил ее с ложечки, выносил на прогулки. Он помогал ей мыть голову, стараясь отвлечь внимание девушки от количества волос, покрывавших белую эмаль ванной. Когда Зоя спала или смотрела телевизор в гостиной, юноша брал учебники и готовился к выпускным экзаменам, хотя до них еще было время. Геннадий тоже проводил почти все свое свободное время с дочерью, сменяя Арсения на этом добровольном посту, но этого времени было совсем немного: работа, встречи и беременная Инна забирали почти все 24 часа в сутки. Зое доставались совсем крохи – час-полтора в день.

«Зачем я обманываю себя, – иногда думал Покровский. – Я бы мог проводить с Зайкой гораздо больше времени, но я так боюсь этого ее странного взгляда, направленного на меня, что просто теряюсь. Эта кроха вызывает во мне такие глубокие и сильные эмоции, что я просто не знаю, как себя с ней вести. Ничего, совсем скоро девочка уедет в Америку, и все чувства забудутся, пройдут. И тогда мы снова станем счастливой семьей, такой, какой мы были до прошлого года».

Сторонясь дочери, отец не заметил и изменений в сыне: Арсений был явно влюблен в свою сводную сестру, влюблен пылко и страстно. Молодой человек был готов сделать для Зайки все, что она попросит, а девушка смело этим пользовалась. Каким-то внутренним женским чутьем Зочка понимала чувства молодого человека и наслаждалась этой небольшой победой. Нет, Арсений ей не нравился совсем, но то, что он был сыном Гены и имел такое явное сходство с отцом, примиряло девушку с этими ухаживаниями.

В тот день, когда Геннадий привез домой паспорта с американскими визами и билеты на самолет, Инну положили в больницу.

– Геночка, – успокаивала жена мужа по телефону, – все будет хорошо. Сейчас нас поколют, а через две недели выпустят.

Инна говорила с мужем, а у самой сердце разрывалось от страха за своего малыша, который уже начал толкаться. Но тревожить мужа ей тоже не хотелось – он и так уже второй месяц ходил сам не свой из-за дочери.

– Я сейчас к вам приеду, – тоном, не терпящим возражений, сказал Покровский и начал собираться. Он зашел в комнату к дочери, чтобы сказать о том, что уезжает в больницу. Открыв дверь, он увидел Зою и Арсения, сидящих на кровати и разгадывающих кроссворд.

– Малышка, я бы очень хотел побыть с тобой, но мне придется уехать. Инну положили на сохранение, и я должен быть в этот момент рядом с женой. Завтра утром я приеду. Не грусти и покушай, хорошо?

Зоя подняла глаза на отца и ничего не сказала.

– Отец, не беспокойся, я покормлю Зайку, – сказал молодой человек. – Езжай к Инне и ни о чем не думай. Все будет в порядке.

– Спасибо, сынок. Малышка, спокойной ночи. Я тебя люблю.

Девушка опять молча посмотрела на Геннадия и отвела взгляд. Сказать ей было нечего.

– А вот и ужин, – произнесла Галина Павловна, внося поднос, на котором стояла тарелка с мясом и салатными листьями и стакан свежесжатого сока.

– Я не голодна, – привычно ответила Зоя и снова занялась кроссвордом.

– Зайка, надо поесть, – вмешался Арсений. – Давай заключим сделку: ты съешь пять маленьких кусочков мяса, а я тебе расскажу одну очень интересную историю.

Зоя не хотела ни есть, ни слушать истории, но она знала, что молодой человек не отстанет от нее, пока не добьется своего, поэтому она решила сократить время обоюдной пытки.

– Хорошо, только давай историю ты мне рассказывать не будешь.

– По рукам, – весело ответил юноша и взял с подноса тарелку.

Зоя честно проглотила пять кусочков, которые ей подносил ко рту брат, и отодвинула рукой тарелку. Процесс поглощения пищи ее утомил, поэтому она грациозно откинулась на подушки и потянулась. Легкая футболка обтянула ее груди, которые крошечными холмиками вздымались в такт дыханию. Арсений как замороженный смотрел на истощенное тело, а потом слегка дотронулся до тонкого плеча девушки. Желание пронзило его, и он потянулся к ее влажным губам. Зоя не сопротивлялась, однако и не отвечала на ласки. Податливость Зайки свела с ума пылкого влюбленного, и он начал неистово целовать лицо и шею своей милой. Через несколько минут его рука ласкала девичьи груди и бедра, а потом опустилась вниз и проникла в святая святых женского тела. Не встретив отказа и в этом жесте, Арсений осмелел: он осторожно уложил Зойку на спину, снял с нее трусики и приник губами к впалому животу. Юноша покрывал поцелуями любимое тело, а потом быстро разделся и навис над юной любовницей. Арсений смотрел в огромные черные глаза своей Зайки и искал ответа на вопрос: «Можно ли продолжать?»

Зоя не чувствовала ни желания, ни отвращения. Ей казалось, что внутри она мертва и пуста, однако отталкивать юношу ей не хотелось: «Больше всего на свете я желала бы, чтобы на его месте был Гена. Но это невозможно. Так что пусть лучше сын моего любимого лишит меня девственности, чем когда-нибудь это сделает абсолютно посторонний мне человек». Зоя прикрыла глаза и представила, что сейчас она слышит тяжелое дыхание Геннадия, а не его сына, и сделала едва заметное движение навстречу.

Арсений уловил этот жест любимой и мягко вошел в нее. Буквально через несколько минут с громким стоном и содроганием молодой человек опустился рядом с девушкой. Только что он отдал себя всего этой молчаливой принцессе с огромными глазами, в омут которых он так любил погружаться.

Зоя подождала, пока сводный брат придет в себя, а потом сказала:

– Вот ты извращенец! Вокруг полно красивых девушек, а ты сходишь с ума по почти лысой уродке, которая и ходить-то самостоятельно может с трудом!

– Зочка, – шептал молодой человек, – ты красавица. Ты самая красивая девушка на свете, и я очень люблю тебя. Я все готов для тебя сделать, только будь со мной.

– Одевайся, извращенец, а то Галина Павловна зайдет.

– Зоя, – надевая джинсы, продолжал Арсений, – я на самом деле люблю тебя. Я хочу быть с тобой рядом каждую секунду.

– Я скоро улечу в Америку.

– Я буду ждать тебя, Зайка моя.

– Давай не будем ничего загадывать, – устало произнесла теперь уже женщина. – Отнеси этот отвратительный поднос и приходи разгадывать кроссворд дальше.

Через неделю самолет унес Геннадия и Зою в далекую Америку. Арсений смотрел на отъезжающее такси и не мог отделаться от ощущения пустоты и одиночества. Этот день четко разделил жизнь всех членов семьи на два периода: с Зоей и без нее.

Глава 14

Самолет приземлился в аэропорту Соединенных Штатов Америки. Геннадий с тревогой смотрел на Зою – такой длительный перелет дался девушке с трудом. Ослабевшая дочь почти всю дорогу спала, положив голову отцу на колени, отказывалась от еды и воды. Покровский лишь гладил черные как смоль волосы своей Зайки и пытался справиться с охватившим его отчаянием. Иногда девочка поднимала на отца взгляд, и мужчина тут же скатывался в пучину мучительно-сладостных эмоций. «О чем я думаю, – стонал про себя телеведущий. – Это же моя дочь, это та девочка, которой я менял подгузники и кормил с ложечки кашкой. Что со мной происходит? Может, у меня просто давно не было близости с женой, если каждый раз, когда Зайка смотрит на меня своим призывным взглядом, я не могу совладать с собственными чувствами?»

Геннадий постарался переключить внимание на здоровье близких – стал думать об Инне, которая сейчас вынашивала его сына, а потом и о Зое. «Как страшно, – терзался он, – страшно то, что происходит с моей дочерью. Страшно, что она сознательно довела себя до такого состояния. Страшно, что в ее маленькой светлой головке зародилась мысль о непринятии себя как женщины. Как страшно, что ей так тяжело справляться со своими чувствами и эмоциями, что она готова похоронить себя заживо!» Покровский надеялся, что Давид поставит его дочь на ноги, однако чем дольше он об этом думал, тем больше понимал, что совсем не хочет, чтобы девочка оставалась жить вдали от него. «Может, – надеялся мужчина, – ее лечение займет совсем немного времени, и она скоро вернется ко мне... То есть к нам... Как же я буду без своей Зайки? Может, мне тоже остаться в Америке? Но там же работа, программа, Инна, сын... Что же мне делать?»

А Зоя в это время лежала и думала о своем: «Как хорошо лежать рядом с ним. Я могу представлять, что я его молодая любовница, которую он везет показать мир... Как хорошо, когда мы с ним вдвоем, вдали от всех непонятно откуда взявшихся родственников... Вдали от его пузатой Инны... Вдали от этого странного мальчишки, который вдруг придумал, что он в меня влюблен... Конечно, он мил и добр, этот Арсений, но он не Гена... Мой Гена – самый лучший в мире... И сейчас я лежу у него на коленях, и он принадлежит мне целиком и полностью... Мы сейчас как те влюбленные, которые вдвоем под одним зонтом поднялись в небеса, где их ждало счастье...» Девушка иногда поднимала глаза на предмет своих фантазий, чтобы убедиться, что это именно он, ее Геннадий Покровский, тот мужчина, которого она долгое время называла отцом. Их взгляды встречались, и казалось, что время останавливается...

Но время остановить невозможно, поэтому долгий полет завершился посадкой. Дальше паспортный контроль, такси, встреча с доктором Эдельштейном, осмотры и анализы.

Давид вышел к своему институтскому приятелю, держа в руке заполненную историю болезни.

– Ты вовремя ее привез, Ген, – серьезно сказал мужчина и протянул исписанные листы. Геннадий быстро пробежался глазами по записям: «Истощение второй степени; подкожная жировая клетчатка отсутствует; кожные покровы истонченные, бледные; молочные железы редуцированы; аменорея; гастрит; брадикардия; анемия...»

– Что с ней будет? – ошеломленно спросил Покровский.

– Надеюсь, что ничего, – ответил Эдельштейн. – В смысле, все будет хорошо. Здесь великолепный уровень медицинского обслуживания. Я сделаю все, что от меня зависит, для того чтобы твоя дочь поправилась.

– Когда ее выпишут?

– Не торопись, – спокойно сказал доктор. – Выпишут ее тогда, когда ее физическое состояние не будет внушать опасений. День, в который это произойдет, назвать тебе я не могу. Однако на психологическое восстановление требуется гораздо больше времени, поэтому раньше сентября я ее не отпущу. При первой же возможности я заберу ее домой – так мне будет легче заниматься ею.

– А тебя она не потеснит?

– Меня – нет, – засмеялся Давид. – Она потеснит мою дочь Наташку. Но та уже привыкла к тому, что в ее комнате живет кто-нибудь из моих пациенток, поэтому возражать не будет. Девочки – ровесницы, так что, думаю, они найдут общий язык.

– Спасибо тебе, друг, – от души поблагодарил Геннадий.

– Рано благодаришь, давай сначала дочь твою на ноги поставим. Сейчас можешь пройти к ней, а вечером поедem к нам – буду знакомить тебя со своей семьей.

Геннадий вернулся в Москву через неделю. Его сердце разрывалось от боли. Он смотрел на свою дочь, которая оставалась одна в чужой стране в таком ужасном состоянии, но сделать ничего не мог. Он понимал, что в Москве, учитывая все сложные обстоятельства ее жизни и особенности заболевания, ей будет еще хуже.

– Зайка моя, – прощался с дочерью Гена, – я буду звонить тебе каждый день, а летом мы с Арсением приедем сюда и останемся с тобой до сентября. А в сентябре мы вернемся все вместе домой.

– Хорошо, Гена, – безучастно произнесла лежащая под капельницей девушка. – Счастливого тебе пути. Няне передавай большой привет... Ну и Арсению тоже...

Глава 15

Покровский целиком и полностью погрузился в работу. С утра до вечера он пропадал на телевидении, а по ночам звонил дочери или Давиду. Учитывая разницу во времени, из-за океана ему докладывали утренние новости.

– Наконец-то физическое состояние не внушает опасений, – радостно сообщал Давид по телефону. – Сегодня утром получили последние результаты анализов – все в норме. Вес уже поднялся на полтора килограмма. Слава Богу, мы вывели ее из состояния кахексии, угрозы для жизни больше нет. Теперь мы перейдем к психотерапии, но этим я займусь уже сам. Сегодня заберу Зою домой, так что когда будешь звонить дочери в следующий раз, она будет уже вне больничных стен.

– Спасибо тебе, Давид, – со вздохом некоторого облегчения сказал Геннадий.

– Вот теперь я могу ответить «пожалуйста», – со смехом произнес Эдельштейн. – Будем ждать твоего следующего звонка. И если не сложно, постарайся не слишком распространяться о своей московской жизни, чтобы не бередить рану девушки.

– Хорошо, – согласился мужчина. – Будем говорить с ней только на приятные посторонние темы.

Прошло время. Инна родила здорового сына, которого назвали Игнатом. Арсений с блеском поступил в медицинский институт и теперь все время проводил за учебой. Галина Павловна все так же вела хозяйство, однако чувствовала себя лишней в новой семье, ведь Зоечки сейчас дома не было.

Геннадий и после летнего визита в Америку каждый день общался с дочерью по телефону, но так и не забрал ее в Россию, как изначально планировал. Это произошло из-за разговора с Давидом.

– Лечение проходит нормально, Зоя постепенно приходит в себя и начинает жить обычной жизнью. Они с Наташкой подружились и часто выходят вместе то в кино, то в клубы. Но несмотря на все мои усилия, твоя дочь еще нестабильна. Мне бы очень хотелось отпустить ее домой, как мы и договаривались, однако я не могу утверждать, что болезнь не вернется. Я бы порекомендовал тебе оставить Зою здесь, под моим присмотром. Мы отправим ее в колледж, она получит хорошее образование, а потом сможет уже сама выбирать, где ей жить.

– Я не могу решить этого самостоятельно. Она же моя дочь, как я могу сказать ей, что домой она не вернется?

– Поговори с ней, – настаивал доктор. – Мне кажется, что ей на самом деле будет лучше здесь, вдали от твоей новой семьи.

– Хорошо, передай ей трубку, пожалуйста.

Зоя очень легко согласилась на жизнь в Америке – ей совсем не хотелось возвращаться туда, где ее мир был полностью разрушен. Гораздо легче жилось здесь, вдали от Гены, целующего другую женщину, от Арсения, который когда-то потеснил ее на пьедестале всеобщей любви. Теперь, когда родился Игнат, Геннадий будет вынужден делить свое время и силы на троих, причем самый младший априори получит гораздо больше любви, чем двое старших, да и если по справедливости рассуждать, то мальчики хотя бы кровными узами связаны с Покровским, а она, черноокая худышка, лишь подкидыш, навязанный студенту суровым профессором. «Нет, – рассуждала девушка, – крохи его любви мне не нужны. Лучше жить здесь и не слышать, не видеть его. Я забуду обо всем, если начну совсем новую жизнь; здесь, в Америке, в доме Дэвида, вместе с Нэтели, мне будет сделать это гораздо проще». Зоя сама не заметила, как погрузилась в жизнь другой страны, она даже доктора Эдельштейна и его дочь Наташу

называла английскими версиями их имен, хотя в доме вся семья, включая жену Давида, говорила по-русски.

– Зайка моя, – уговаривал дочь Покровский, – ну подумай. Мы все так скучаем по тебе. Что это за семья, в которой нет моей дочки?!

– Нормальная семья, – сухо отвечала Зоя, – в которой есть жена и два сына. – Гена, я уже все решила, я останусь здесь.

Решение дочери больно резануло по сердцу Покровского. «Как же плохо ей было здесь, – мучился мужчина, – что она так легко согласилась на жизнь в другой стране, лишь бы не возвращаться домой?! Что же я натворил? Ну а что мне было делать, с другой стороны? Девочка решила, что влюблена в меня как в мужчину, хотя на самом деле это не так – просто известие о том, что она мне не родная, как-то сбilo ее ориентиры. Не может ребенок испытывать такие чувства по отношению к отцу!» Геннадий подумал об этом и тут же вспомнил, как волна горячего желания накатывала на него, когда он любовался Зоей в аэропорту, когда забирал ее из больницы... «Нет, хорошо, что Зоя осталась там, – вдруг решил мужчина, – по-моему, нам надо побыть вдали друг от друга, чтобы еще больше не запутаться в том, что оказалось таким сложным».

– Галина Павловна, – глава семьи вышел на кухню, где суежилась няня, – Зоя остается жить в Америке.

Пожилая женщина растерянно обернулась и посмотрела уставшими голубыми глазами на мужчину. Кастрюлька с чищенной картошкой выпала из старческих рук и с грохотом покатила по полу. На шум выбежал Арсений, а Инна из спальни закричала, что они опять разбудили ребенка, и если он сейчас не уснет, она выйдет и устроит такой скандал, что им мало не покажется...

– Ну вот, – расплакалась няня, – вот и стала я никому не нужна... Вот и стала я обузой для вас.

Геннадий рванул к жене, чтобы высказать ей все, что он думает о ее поведении, – никому он не мог позволить повышать голос ни на одного из членов его семьи, а Галина Павловна была именно членом семьи, более того, она для него и Зою сделала гораздо больше, чем весь мир, вместе взятый.

– Галина Павловна, – юноша подошел к няне и обнял ее, – не переживайте. Во-первых, Инна просто очень устала, потому что Игнат на самом деле почти не спит. Зря она так уперлась в то, что должна делать для ребенка все сама. Если бы мы все вместе заботились о младенце и подменяли друг друга, все получилось бы гораздо легче и проще.

– Ты прав, Арсюша, – согласно кивала головой пожилая женщина, – какой же ты умный и добрый. Бог наградил твоим появлением Гену за то, что тот вырастил Зочку.

– Няня, не только Гена вырастил мою сестру, но и вы, – возразил молодой человек. – Вы, конечно, не заменили мне маму – ее никто никогда не заменит, но заполнили ту пустоту, которая образовалась после ее смерти.

– Арсюша, – расчувствовалась старушка, – какие слова ты говоришь!

– Все, что я произнес, – правда. И я вот еще что хотел сказать... – Молодой человек на секунду замаялся, а потом все-таки произнес: – У папы теперь другая семья, и мне не хочется мешать им. Я возвращаюсь в квартиру, где мы жили с мамой, и хотел бы, чтобы вы поехали со мной.

Галина Павловна растерялась от такого предложения и молчала, но Арсений почувствовал неуверенность своей няни и тут же с улыбкой добавил:

– Я слишком привык к вашей потрясающей стряпне и к вашей заботе, и мне бы совсем не хотелось, чтобы это досталось отцу и Инне.

Женщина разулыбалась и согласно кивнула головой.

Геннадий, услышав от сына такую новость, возразить ничего не смог – удержать взрослого самостоятельного человека было невозможно, а просить Галину Павловну остаться после выходки его жены было бы слишком жестоко. Покровский лишь произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.